

ТЕПЕРЬ ИЛИ НИКОГДА

комедия со слезами на глазах в двух действиях

сценическая интерпретация романа И.А. Гончарова «ОБЛОМОВ»

Действующие лица:

Илья Ильич Обломов – барин.

Захар – слуга.

Анисья – кухарка.

Андрей Иванович Штольц - предприниматель.

Ольга Сергеевна Ильинская - девушка на выданье.

Агафья Матвеевна Пишеницына – вдова.

Иван Матвеевич Пишеницын - её брат, чиновник.

Алексеев – бывший сослуживец Обломова

Тарантьев – чиновник, земляк Обломова

Доктор

Приказчики

Примечание:

Эпизоды, обозначенные как «Реклама», исполняются кукольными персонажами Петрушкой и Марфушкой. Они играют свою комедийную историю, которая иллюстрирует и комментирует происходящее. Разыгрываются в виде рекламы разной продукции. Например: реклама подушек, матрацев, лекарств от сердечной боли и т.д.

Мировая премьера пьесы состоялась в государственном театре ЛТТ г. Тюбингена (Германия) в 2014 году.

Санкт-Петербург

2014

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Пролог – реклама № 1

ПЕРВАЯ КАРТИНА «Побудка»

Обломов спит, чуть поодаль стоит Захар. Анисья медленно читает письмо.

АНИСЬЯ. «Доношу твоей барской милости, что у тебя в вотчине, кормилец ты наш, всё благополучно, окромя того, что пятую неделю нет дождей: знать прогневили господу бога, что нет дождей. Этакой засухи старики не запомнят: яровое так и палит, словно полымем. Озимые червь сгубил да ранние морозы. Под Иванов день ещё три мужика из деревни ушли. Холста нашего сей год на ярмарке не будет. В недоимках недобор, так что в этом годе, батюшка ты наш, благодетель, тысячи на две помене прошлого года доход будет. Только бы засуха не разорила бы нас вконец, да мужики бы не разбежались. А окромя этого, всё в твоей вотчине покойно. Староста твой, всенижайший раб Прокофий Вытягушкин, собственной рукой руку приложил. А писал со слов одного старосты шурина его, Дёмка Кривой».

ЗАХАР. Что же это такое твориться, боже мой? Словно конец света приходит. У нас в Обломовке никогда такого лиха не бывало: и засуха тут и ранний мороз. Мужики все смирные были, навроде меня...

АНИСЬЯ. Где ж ты смирный? Ты даже во сне храпишь, как конь.

ЗАХАР. Ты вот что... Спрячь это письмо на кухне, чтоб пущего расстройства нашему барину от него не было.

АНИСЬЯ. Стало быть, Илья Ильич, так беспробудно спят с горя, что ли?

ЗАХАР. А то с чего же? Вишь, второй день сам не свой, словно обухом его по голове староста огрел. А нет бы написать любимому барину, что всё, мол, у нас хорошо... Медку бы прислать... Испортился народ, совсем испортился. Не чтят хозяев своих. А спросит тебя барин про письмо: где, мол, делось? Говори – не знаю.

АНИСЬЯ. За враньё бог не помилует.

ЗАХАР. Ты в моё хозяйство не суйся, и своего места кухаркиного не забывай! Ступай в лавку, а то барин проснётся, а у тебя обед не поспел.

АНИСЬЯ. Как же я пойду без денег?

ЗАХАР. Скажешь, что Захар Трофимович после рассчитается.

АНИСЬЯ. Уж я это вчера говорила.

ЗАХАР. Уйди, баба!

ОБЛОМОВ. *(Просытаясь)* А? Что? Что ты? Кто кричал?

ЗАХАР. Анисью муха укусила. Вы приказывали будить к обеду, мол, дело у вас.

ОБЛОМОВ. Я приказал? Зачем же это я? Не помню. Поди пока к себе, а я вспомню. Я сейчас подумаю.

ПАУЗА

ЗАХАР. Ну, полно лежать!

ОБЛОМОВ. Что ты сказал?

ЗАХАР. Ничего-с не сказывал я. Стою, как истукан.

ОБЛОМОВ. А у тебя разве ноги отсохли? Вот и постой. Не видишь, барин думает...

ЗАХАР. Ведь дело у вас было.

ОБЛОМОВ. После.

ЗАХАР. А после опять Захар виноватым будет. Лежит, как прибитый... (*Нарочито громко*). Апч-хи!

ОБЛОМОВ. Что? Ах да... Ну, действительно, полно лежать, надо же встать... А впрочем, дай-ка я прочту ещё раз со вниманием письмо старосты, а потом уж и встану. Захар! Куда же ты пошёл?

ЗАХАР. Какое письмо? Я никакого письма не видал.

ОБЛОМОВ. Ты никогда ничего не знаешь. Там в корзине посмотри. Или не завалилось ли за диван? Вон спинка вся поломана.

ЗАХАР. Я не ломал. Она сама изломалась. Не век же ей быть. Нет ничего.

ОБЛОМОВ. Где платок?

ЗАХАР. А кто его знает, где ваш платок. Нету платка. Всё сами теряете.

ОБЛОМОВ. Я теряю? Здесь ищи.

ЗАХАР. Вон конец торчит. Сами лежите на нём, а спрашиваете платка. И тут Захар виноват.

ОБЛОМОВ. Это ладно.

ЗАХАР. Чего тянуть-то, вставайте! Уже пора!

ОБЛОМОВ. Я сейчас встану...

ЗАХАР. Вот и вставайте. Петух уже горло сорвал, вас поднимая.

ОБЛОМОВ. Вот я сейчас подымусь и погляжу, какая у тебя чистота кругом: пыли-то, грязи-то, боже мой! Ничего ведь не делаешь ты!

ЗАХАР. Уж коли я ничего не делаю... Всё подметаю, всё прибрано, словно к свадьбе. А пыль я к святой неделе убираю.

ОБЛОМОВ. Бардак развёл! А книги, а картины?

ЗАХАР. Это перед Рождеством мы с Анисьей шкапы перебираем. Да и когда станешь убирать, если вы всё дома сидите.

ОБЛОМОВ. Понимаешь ли ты, что от пыли заводится моль и клопы.

ЗАХАР. У меня и блохи есть.

ОБЛОМОВ. Да ведь это же гадость!

ЗАХАР. Чем же я виноват, что блохи есть на свете? Разве я их выдумал? И мышей и клопов везде много.

ОБЛОМОВ. А ты мети, выметаю весь сор из углов - и не будет ничего.

ЗАХАР. Уберёшь сегодня, а завтра опять наберётся.

ОБЛОМОВ. А наберётся, так опять вымети.

ЗАХАР. Всякий день перебирай все углы что ли? Да что ж это за жизнь?

ОБЛОМОВ. Отчего же у других чисто? Посмотри у соседа немца-настройщика: любо взглянуть, а в служанках одна девка.

ЗАХАР. А где немцы сору возьмут? Вы поглядите, как они живут! Скаречно, всё экономят. У них лишнего нет. У них как у нас в шкапах не лежит по годам куча изношенного белья или целый угол корок хлеба. У них корка зря не валяется: наделают сухарей да с пивом и выпьют.

ОБЛОМОВ. Ты лучше убирай, а не рассуждай! Вот что!

ЗАХАР. Уйдите на целый день, так и уберу.

ОБЛОМОВ. Вот и говори с тобой... Значит, я тебе мешаю? Умыться готово?

ЗАХАР. Готово давно.

ОБЛОМОВ. Что же ты не говоришь, то готово? Я бы давно встал, мне надо кое-что писать.

Захар подаёт хозяину умываться.

ЗАХАР. Вот, коли будете писать, то извольте счёты поверить от мясника, от зеленщика да от прачки: все денег просят.

ОБЛОМОВ. А ты что понемногу не подаешь счёты, а всё вдруг?

ЗАХАР. Как же тут подашь понемногу? А кто же меня прогоняет всегда: завтра да завтра.

ОБЛОМОВ. Ладно, после посмотрю.

ЗАХАР. Управляющий дворника прислал: говорит, что нам непременно с этой квартиры съехать надо.

ОБЛОМОВ. Ты зачем мне третий раз говоришь об этом?

ЗАХАР. А кому же говорить? Ведь пристают ко мне. И говорят, что вы уже месяц назад обещали съехать.

ОБЛОМОВ. Ты не беспокой меня. Распорядись так, чтобы не переезжать. Не можешь постараться для барина?

ЗАХАР. Да как же я распоряжусь? Дом –то не мой: как же из чужого дома не переезжать, коли гонят? Кабы дом был мой, так я бы... Что же мне теперь делать-то?

ОБЛОМОВ. Он меня спрашивает... Ничего ты не умеешь сделать! Мне о всякой дряни самому хлопотать надо.

Из передней доносится звонок.

ЗАХАР. Уж кто-то и пришёл. Не сидится им дома. И ходят, и ходят...

ОБЛОМОВ. Поди открой. Ах, Боже мой, трогает жизнь, везде достаёт! Кто бы это так рано?

ВТОРАЯ КАРТИНА

«Доктор»

ОБЛОМОВ. Доктор, какими судьбами?

ДОКТОР. Здравствуйте, голубчик! Вы не зовёте, вот и забеспокоился. А вдруг что... В наше время как: был человек и нет человека.

ЗАХАР. Типун вам на язык.

ДОКТОР. Что? Что он сказал?

ОБЛОМОВ. Не обращайтесь внимания, это у крестьян присказка такая.

ДОКТОР. Был у вашего соседа сегодня, я у него частый гость. И вас проведать решил.

ОБЛОМОВ. Это правильно. И что мой сосед? У него веселье каждый день.

ДОКТОР. Кончилось веселье у вашего соседа. Водяная жаба у него в груди, до осени вряд ли дотянет.

ОБЛОМОВ. Неужели!

ДОКТОР. Обычное дело, голубчик. А как ваше здоровье?

ОБЛОМОВ. Не знаю с чего и начать. Изжога, желудок не варит, дыхание тяжело. Послушайте, какие во мне хрипы.

ДОКТОР. Посмотрим, потом послушаем. Дайте руку. *(Считает пульс)*. Так... Так... Так...

ОБЛОМОВ. Что скажете, милейший Густав Карлович?

ДОКТОР. Гм... Если не считать бледности лица, то вы в прекрасной форме.

ОБЛОМОВ. Я? Ну что же вы такое говорите?

ДОКТОР. Вероятно, это от того, что вы родились и выросли в деревне. А ну –ка, высуньте язык. Язык замечательный. Теперь повернитесь, я вас послушаю.

Слушает Обломова.

ДОКТОР. Чудные звуки! У вас не сердце, а швейцарские часы.

ОБЛОМОВ. Доктор, но часто прямо вот так всё и замрёт и дыхание спирает...

ДОКТОР. Вы который год не служите?

ОБЛОМОВ. Десятый.

ДОКТОР. Десять лет на диване и никаких последствий! Удивительно! С точки зрения науки вы мне чрезвычайно интересны.

ОБЛОМОВ. А что же здесь интересного?

ДОКТОР. Но позвольте: иной бы на вашем месте давно бы переехал на кладбище.

ЗАХАР. Типун вам на язык!

ОБЛОМОВ. Захар, поди к себе!

ДОКТОР. Интересное выражение, надо его записать. Мой русский не совсем хорош...

ЗАХАР. Мы, господин доктор, за барина нашего молимся, его Бог хранит!

ДОКТОР. Похвально.

ОБЛОМОВ. Иди же, Захар! А, может быть, моё заболевание незаметное? У многих в Петербурге чахотка развивается и...

ДОКТОР. Здоровье у вас отменное. Но, конечно, вы можете внезапно умереть.

ОБЛОМОВ. Отчего же внезапно?

ДОКТОР. Судьба выше медицины. Можно попасть под лошадь, угореть от дыма, подавиться костью, влюбиться, быть укушенным бешеным псом и так далее.

ОБЛОМОВ. Признаться, по вечерам я чувствую себя особенно дурно, просто отвратительно.

ДОКТОР. Это русская хандра. Надо, голубчик, освобождать голову от беспокойных мыслей и...

ОБЛОМОВ. Помилуйте, разве я осиновый чурбан? Я действительно много о крестьянах своих думаю, о хозяйстве и прочее...

ДОКТОР. Вот-вот! А что из этого следует?

ОБЛОМОВ. Что?

ДОКТОР. Почему, к примеру, Диоген - этот дивный философ, лёжа в своей бочке, так долго жил?

ОБЛОМОВ. Почему?

ДОКТОР. Потому что усиленно ворочал мозгами. С одной стороны этого хорошо: иметь живые мозги. Но тут надо быть очень осторожным, Илья Ильич!

ОБЛОМОВ. Вы находите это опасным?

ДОКТОР. Да. В вашем случае – да! Ведь Диоген был грек, а вы русский. А у русских ведь всё без меры: пить - так пить до белой горячки, играть – так проиграться в пух, а лежать - так лежать... Понимаете, о чём я?

ОБЛОМОВ. Не совсем, но ваши наблюдения не безосновательны... Однако...

ДОКТОР. Я уже двадцать лет изучаю ваши русские традиции и вашу русскую жизнь и нахожу много очень забавного. И беспокойство моё должно быть вам понятно: а ну как возьмётесь вы размышлять здесь под одеялом по-русски, а там, глядишь, и до сумасшедшего дома недалеко. Всё должно быть

под контролем, голубчик! В том числе мозговое напряжение.

ОБЛОМОВ. Да, у вас, у немцев, есть чему поучиться. Что ж...

ДОКТОР. Голова болит? Кашель одолевает?

ОБЛОМОВ. Всё сразу. Может быть, надо мне что-то прописать из лекарств?

ДОКТОР. Гимнастику! Гимнастика - вот новая, свежая теория медицины.

ОБЛОМОВ. Бьюсь об заклад, что она немецкая?

ДОКТОР. Европа – мать всех блестящих идей. Вы ведь не славянофил?

ОБЛОМОВ. Нет, пожалуй, что нет. У меня ведь лучший друг тоже из ваших, немец, Андрей Иванович Штольц.

ДОКТОР. Со Штольцем я немного знаком. Он большой педант, а в России этого не любят.

ОБЛОМОВ. Разве? Но благодаря своему характеру он достиг больших высот.

ДОКТОР. Илья Ильич, а почему бы вам не поехать на курорт, за границу?

ОБЛОМОВ. Помилуйте, доктор! Как это можно?

ДОКТОР. Что ж вам мешает?

ОБЛОМОВ. Как же можно так вот взять и поехать?

ДОКТОР. Купите билет и...

ОБЛОМОВ. Я?

ДОКТОР. Вы.

ОБЛОМОВ. Но это невозможно!

ДОКТОР. Денег что ли нет?

ОБЛОМОВ. Именно! Знаете, что мне староста из имения пишет? Одни напасти и беды...

ДОКТОР. Это, голубчик, не моё дело. Я, так сказать, по другой части...

ОБЛОМОВ. И куда же прикажете ехать?

ДОКТОР. Поезжайте в Киссенген или в Эмс, там пейте воды, а потом в Швейцарию. Затем можно в Америку или в Египет, хотя, говорят, там сейчас неспокойно. Но какой воздух! Кстати, надо бы вам все окна открыть.

ОБЛОМОВ. Нет, это ни к чему. Зачем? Я боюсь сквозняков.

ДОКТОР. А к зиме – обязательно в Париж! Театры, маскарады, шампанское... И помните – чрезмерное умственное напряжение – прямой путь в больницу. Ну-с, мне пора. Пока вы не уехали на

воды, пейте вот эту микстуру по ложке перед сном.

ОБЛОМОВ. Перед каждым сном?

ДОКТОР. Вы, Илья Ильич, и пошутить умеете: перед каждым сном. Ха-ха! Я же говорю у вас отменное здоровье. До встречи.

Обломов подаёт доктору деньги.

ОБЛОМОВ. Прощайте! И обязательно приходите ещё!

ДОКТОР. Непременно!

ОБЛОМОВ. Почему мне так тревожно?

Обломов отступает к постели, ложится, прижимая пузырёк с лекарством к груди.

ТРЕТЬЯ КАРТИНА

«Сослуживец»

АЛЕКСЕЕВ. Добрый день, Илья Ильич!

ОБЛОМОВ. А! Это вы, Алексеев? Здравствуйте! Не подходите близко, я вам руки не подам, вы с холода, а я не здоров.

АЛЕКСЕЕВ. Что вы, какой холод! Я за вами, Илья Ильич.

ОБЛОМОВ. Куда это?

АЛЕКСЕЕВ. Едем в Екатерингоф, там гулянье будет. Там будет много наших: Матвей Андреевич, Иван Алексеевич, Владимир Владимирович...

ОБЛОМОВ. Зачем они там собрались и что им от меня нужно?

АЛЕКСЕЕВ. Во-первых, Овчинин к обеду зовёт, велел привезти вас.

ОБЛОМОВ. Посидите, мы подумаем...

АЛЕКСЕЕВ. Уж полдень. Когда же тут сидеть?

ОБЛОМОВ. Погодите немного. Я не хотел никуда ехать. И чего я там не видел. Да и дождь собирается, пасмурно на дворе.

АЛЕКСЕЕВ. На дворе солнце. А пасмурно оттого, что окошки ваши не мыты и шторы все опущены.

ОБЛОМОВ. Это всё Захар... Мой слуга слишком ленив.

АЛЕКСЕЕВ. Возьмите другого.

ОБЛОМОВ. Легко вам сказать.

АЛЕКСЕЕВ. А что это на вас за шлафрок? Нынче такие не модны.

ОБЛОМОВ. Это халат и он мне нравится. Откуда вы так рано?

АЛЕКСЕЕВ. Рано? Вы настоящий сибарит! Я от портного. Посмотрите, хорош фрак?

ОБЛОМОВ. Отличный с большим вкусом сшит.

АЛЕКСЕЕВ. К нынешнему дню я фрак нарочно заказал. Это рейт- фрак для верховой езды. Кататься в Екатерингофе будем на лошадях. Там сегодня обед у князя. Я должен хорошо показаться.

А какой там шикарный дом: всё в цветах. И гостей каждый раз набирается до ста человек!

ОБЛОМОВ. Вот скука-то должно быть адская!

АЛЕКСЕЕВ. Да что вы! Ведь чем больше, тем веселей! Какая у вас пыль везде, даже не присесть.

ОБЛОМОВ. Это всё Захар.

АЛЕКСЕЕВ. Так что, едем со мной в Екатерингоф? Ведь вчера Горюнова Мишу произвели в новый чин, праздновать будем — это, во-вторых.

ОБЛОМОВ. Добился всё-таки. Ведь он ещё ленивее, чем я.

АЛЕКСЕЕВ. С таким директором как наш приятно служить: без наград ни одного чиновника не оставляет, даже тех, кто ничего не делает. Кому повышение, кому орден, кому деньги выхлопочет. И это верно: чиновник чиновника должен поддерживать. И пока ты на службе продвинуться нужно как можно дальше.

ОБЛОМОВ. Как же нынче платят?

АЛЕКСЕЕВ. По моему чину до трёх тысяч доходит.

ОБЛОМОВ. Да за что же столько вам?

АЛЕКСЕЕВ. А Пересветов, которого вы, наверно, помните, ещё больше получает, а дела-то ещё меньше моего делает. Я ведь умею иногда так бумагу составить, что она как по маслу до самого верха катиться. И потом, я прекрасно одеваюсь, и начальство это ценит. У меня ведь всё с иголочки. Министр недавно выразился про меня, что я «украшение министерства».

ОБЛОМОВ. Молодец ты, Алексеев.

АЛЕКСЕЕВ. Это ещё не всё. Осенью, может, и женюсь.

ОБЛОМОВ. На ком же?

АЛЕКСЕЕВ. Знаю ваш характер, вы никому не разболтаете, поэтому выдаю секрет: на Мурашиной.

ОБЛОМОВ. Господь с вами, она ведь страшна, как рябая кобыла!

АЛЕКСЕЕВ. С лица, Обломов, воду не пьют, а у меня планы. Отец у неё действительный статский советник, десять тысяч даёт, квартира казённая, двенадцать комнат, мебель казённая, отопление,

освещение и перспектива по службе. Можно жить?

ОБЛОМОВ. Ещё бы! Вы, Алексеев, далеко пойдёте.

АЛЕКСЕЕВ. Надеюсь, что да. А какие же у вас дела?

ОБЛОМОВ. Да ведь тоже работаю, не просто так лежу. Думаю, как из беды выкарабкаться.

АЛЕКСЕЕВ. Беда у вас? А что такое?

ОБЛОМОВ. Два несчастья у меня сразу. Сейчас я всё расскажу.

АЛЕКСЕЕВ. Я, признаться, не люблю всяких бед. Я их избегать стремлюсь. Вы уж меня увольте! Не хотите ехать, так я, пожалуй, один. Хотел из экономии вам поездку предложить: на двоих - оно бы дешевле вышло. Ну, раз вы в расстройстве и больны, то мне самому придётся тратиться. Прощайте.

ОБЛОМОВ. Да куда же вы так скоро? Совета вашего хотел послушать. А вы...

АЛЕКСЕЕВ. Пока поедешь, пока приедешь, там и день пройдет. А мне ещё в десять мест...

ОБЛОМОВ. И вам не лень мыкаться изо дня в день по разным домам? Слушать всякую чепуху и сплетни?

АЛЕКСЕЕВ. Но ведь это жизнь! Жизнь! Слава богу, что у меня служба такая, что на ней бывать можно редко. А как поедешь с визитами по домам – вот оно счастье! Там - бал, там- охота, здесь – актрисы. Кстати, видели вы это? (*Демонстрирует Обломову новые перчатки на руках*)

ОБЛОМОВ. Что это такое?

АЛЕКСЕЕВ. Новые перчатки на шнурке. Сейчас все такие носят. Только из Парижа. Хотите, привезу вам на пробу пару?

ОБЛОМОВ. Привезите.

АЛЕКСЕЕВ. А вот это визитная карточка с загнутым углом. Самая модная. Могу вам заказать.

ОБЛОМОВ. Мне ни к чему.

АЛЕКСЕЕВ. Так что – прощайте. Мне ещё в десять мест. Что это за счастье на свете!

ОБЛОМОВ. Ушёл. Что за суетный человек? «В десять мест в один день» - несчастный. Захар! Там оставался у нас сыр, да и мадеру подай, до обеда далеко, так я позавтракаю немного.

РЕКЛАМА № 2

ЧЕТВЁРТАЯ КАРТИНА

«Земляк».

В комнату входит Тарантьев, за ним спешит Захар.

ЗАХАР. Я Илья Ильич не виноват, оне без всякого объявления и спросу идут себе и идут.

ТАРАНТЬЕВ. Прочь, старик, а то прибью!

ЗАХАР. Вот оно как! Настоящий разбойник !

ТАРАНТЬЕВ. Здравствуй, земляк! Что это ты по сю пору не встал? Всё целыми днями лежишь как колода?

ОБЛОМОВ. Здравствуй, Михей Андреевич!

ТАРАНТЬЕВ. Захар! Где ты там, старый дурак! Принеси мне стопку водки!

ЗАХАР. А вы заведите-ка прежде своего Захара, да и лайтесь тогда! Вон натоптали как.

ТАРАНТЬЕВ. Ну, ещё разговаривает, образина!

ОБЛОМОВ. Ты что-то рано сегодня пришёл, Михей Андреевич.

ТАРАНТЬЕВ. Я нарочно сегодня заранее пришёл, чтобы узнать какой обед будет у тебя, а то ты всё дрянью какой-то потчуешь меня. Что у тебя сегодня?

ОБЛОМОВ. Телятина.

ТАРАНТЬЕВ. Эх, брат Обломов, не умеешь ты жить. А ещё помещик! Какой ты барин? Угостить не умеешь приятеля. Жить надо широко, по-русски. Ведь один раз живём.

ОБЛОМОВ. Что ты разошёлся? Остынь. Мне вот с тобой посоветоваться надо. С квартиры гонят меня. Ты человек практичный, посоветуй, как быть.

ТАРАНТЬЕВ. А шампанское будет? Ведь я даром советов не даю.

ОБЛОМОВ. Будет, если совет того стоит.

ТАРАНТЬЕВ. А коли так, - вот тебе совет - завтра переезжай на квартиру к моей куме, на Выборгскую сторону.

ОБЛОМОВ. На самую окраину? Да туда, говорят, зимой волки забегают.

ТАРАНТЬЕВ. А что тебе здесь сладко кажется?

ОБЛОМОВ. Здесь от всего близко. Тут и магазины, и театр...

ТАРАНТЬЕВ. А давно ли ты ходил со двора? Давно ли ты в театре был? На кой чёрт тебе этот центр, коли ты в подушках целый день валяешься? А там чистота, тишина и на пятьсот рублей меньше возьмут. Я сейчас прямо и поеду к куме. Давай деньги на мадеру, шампанское и извозчика.

ОБЛОМОВ. Вот, возьми, только ведь у меня ещё одна беда. Страшное письмо от старосты я получил: и недород в моём именье, и недоимки, и мужики в город бегут.

ТАРАНТЬЕВ. Вот видишь! Опять я на тебя работать должен. Ничего сам не умеешь делать. Пропащий ты человек!

ОБЛОМОВ. Ты лучше скажи, что делать.

ТАРАНТЬЕВ. Если портеру к обеду прибавишь, то подскажу тебе.

ОБЛОМОВ. Ну, хорошо, купи и портеру.

ТАРАНТЬЕВ. Староста твой мошенник. А ты веришь ему разиня рот. Как же ты всем веришь? Выдумал он всё в письме: и недоимки, и недород, и засуху.

ОБЛОМОВ. Не может быть!

ТАРАНТЬЕВ. Староста твой уж потому бестия, что сам глаз не кажет к хозяину. Я слышал, что в этом году в нашей волости везде отличный урожай, а он врёт тут тебе. Вор одно слово.

ОБЛОМОВ. А что же делать-то с ним?

ТАРАНТЬЕВ. Смени его сейчас.

ОБЛОМОВ. А кого я назначу? Почём я знаю мужиков? Другой, может быть, ещё хуже будет. Я двенадцать лет в деревне не был.

ТАРАНТЬЕВ. Ступай туда сам. Пробудь там месяц. А осенью на новую квартиру.

ОБЛОМОВ. На новую квартиру, в деревню самому! Какие ты всё отчаянные меры предлагаешь! Зачем такие крайности?

ТАРАНТЬЕВ. Ну, брат Илья, совсем пропадёшь ты! Да я бы на твоём месте имение продал, заложил бы несколько раз и жил как король. А ты? Вот какая от тебя польза отечеству? В деревню съездить не можешь. Срам!

ОБЛОМОВ. Я для отечества в департаменте целых два года служил. И потом, мне некогда, у меня дел знаешь сколько.

ТАРАНТЬЕВ. Знаю я все твои дела.

ОБЛОМОВ. Съезди-ка ты. Дело ты знаешь, места знакомые. Ведь мы земляки, всё ж таки. Я бы не пожалел издержек.

ТАРАНТЬЕВ. Ты меня за слугу своего, что ли, держишь? Да и отвык я с мужиками обращаться.

ОБЛОМОВ. Меня коришь, а сам не решаешься.

ТАРАНТЬЕВ. Напиши исправнику, пусть мужиков накажет. Напиши губернатору. Дал бы я твоему старосте тумачков! Садись и пиши сейчас.

ОБЛОМОВ. Михей Андреевич, уж заверши свои благодеяния, а я, так и быть, ещё прибавлю к обеду рыбу или птицу какую-нибудь. Присядь, да и напиши сам все эти письма.

ТАРАНТЬЕВ. Лентяй ты лентяй! Пропадёшь ни за копейку. Я писать не стану, глаза болят.

ОБЛОМОВ. Ах, хоть бы Штольц поскорей приехал, он бы всё уладил.

ТАРАНТЬЕВ. Вот нашёл благодетеля. Да ведь твой Штольц – немец проклятый, шельма продувная!

ОБЛОМОВ. Послушай, я бы тебя просил быть воздержаннее на язык, особенно о близком мне человеке.

ТАРАНТЬЕВ. Что он тебе за родня такая? Ведь он немец!

ОБЛОМОВ. Ближе всякой родни: я вместе с ним рос, учился и не позволю дерзостей.

ТАРАНТЬЕВ. Если ты меня меняешь на немца, так я к тебе больше ни ногой!

ОБЛОМОВ. Вот если бы он был здесь, то давно избавил бы от всяких хлопот и не просил бы ни портеру, ни шампанского.

ТАРАНТЬЕВ. А! Ты попрекаешь мне! Он лучше, чем я! Так вот возьми свои деньги назад. Куда я их засунул, никак не найду.

Тарантьев делает вид, что ищет деньги в карманах.

ОБЛОМОВ. Не трудись, не доставай. Я ведь только прошу тебя отзываться о моём друге приличнее.

ТАРАНТЬЕВ. Недаром мой отец советовал беречься этих немцев, а уж он ли не знал людей всяких на своём веку!

ОБЛОМОВ. Да чем же он тебе не нравится?

ТАРАНТЬЕВ. Всем. Вот, к примеру, как это он вдруг в короткий срок из отцовского наследства в сорок тысяч сделал триста тысяч капиталу, и в службе в надворные советники вышел, и учёный, и теперь ещё и путешествует?

ОБЛОМОВ. Послушай, Михей Андреевич...

ТАРАНТЬЕВ. Он везде поспел. Разве настоящий-то хороший русский человек станет хитрости изобретать? За сто дел сразу братья разве можно? Русский человек выберет что-нибудь одно, да и то ещё не спеша, потихоньку да полегоньку. Ведь непонятно никому, отчего он разбогател. Я бы под суд таких. И вообще, зачем он шатается теперь по чужим землям?

ОБЛОМОВ. Он привозит заграничные товары, самые лучшие. Он учиться хочет, всё видеть, знать.

ТАРАНТЬЕВ. Врёт он, не верь ему. Зачем нам, русским заграничные товары? Немцы да французы всё заполонили. И разве большие учатся чему-нибудь? Разве должен он, надворный советник, ещё чему-нибудь учиться? Ха-ха-ха! Я слышал он машину какую-то заказывать поехал. Известно, какую машину: станок для фальшивых денег. А акции его это что? Обман!

ОБЛОМОВ. Ты меня прямо рассмешил! Иди ты с богом, куда хотел.

ТАРАНТЬЕВ. Ладно, уйду, но только не дашь ли ты мне в долг свой фрак, мне на свадьбу завтра к другу идти, а платья приличного нет.

ОБЛОМОВ. Захар!

ЗАХАР. Не дам фрака!

ТАРАНТЬЕВ. Как ты смеешь, когда барин приказывает?

ЗАХАР. Пусть прежде они принесут назад жилет да нашу рубашку: пятый месяц как взяты. Жилет бархатный, а рубашка голландская. Не дам фрака!

ТАРАНТЬЕВ. Ну и чёрт с вами! Уже погоди, Захар, я тебе это припомню!

ПЯТАЯ КАРТИНА

«Другой».

ЗАХАР. Илья Ильич!

ОБЛОМОВ. Ну?

ЗАХАР. Я всё насчёт того, чтобы переехать.

ОБЛОМОВ. Ты решился уморить что ли меня? Я надоел тебе, а? Ну, говори же.

ЗАХАР. Христос с вами! Живите на здоровье.

ОБЛОМОВ. Я запретил тебе заикаться о переезде, а ты пять раз на дню напоминаешь мне. Это расстраивает моё здоровье.

ЗАХАР. Так отчего ж не переехать?

ОБЛОМОВ. Да ты вникнул ли, что значит переехать?

ЗАХАР. Не вникнул.

ОБЛОМОВ. Не вникнул, так слушай. Что значит переехать? Это значит, барин уйди на целый день да так одетый с утра и ходи...

ЗАХАР. Что ж, хоть бы и уйти? Ведь нездорово целый день дома сидеть. Прежде вы были, как огурчик, а теперь бог знает на что похожи. Походили бы по улицам...

ОБЛОМОВ. Полно вздор молоть.

ЗАХАР. В театр или маскарад пошли бы, а тут бы без вас и переехали.

ОБЛОМОВ. По-твоему, барин будет шататься целый день, невесть где будет обедать, ни присесть ему, ни прилечь после обеда - так это и хорошо? А потом встанешь на новой квартире, а дров нет; поди бегай, занимай. Это как?

ЗАХАР. Ещё каких соседей бог даст. Не то что дров, ковш воды не дадут.

ОБЛОМОВ. Вот видишь! То-то же! Провозишься недели две. А издержек сколько!

ЗАХАР. В прошлый раз рублёв двести стало.

ОБЛОМОВ. Вот! А как дико начинать жизнь в новой квартире! Ночей пять не усну на новом месте! Посмотри на дело трезвыми глазами. Разве не видишь, до чего доводишь ты барина?

ЗАХАР. Вижу.

ОБЛОМОВ. Зачем же предлагаешь это мне?

ЗАХАР. Я думал, что другие, мол, не хуже нас, да переезжают, так и нам можно...

ОБЛОМОВ. Что? Что ты сказал? Другие не хуже! Вот до чего ты договорился. Я теперь буду знать, что для тебя я всё равно, что "другой". С глаз долой! Вон!

Захар пятится к дверям.

ОБЛОМОВ. Как ты мог! А ну, вернись!

ПАУЗА

ОБЛОМОВ. Захар, поди сюда. Ближе. Ближе.

ЗАХАР. Чего изволите?

ОБЛОМОВ. Дай мне квасу. Что, каково тебе? Ведь нехорошо? Чувствуешь ли ты свой проступок?

ЗАХАР. Что ж, Илья Ильич, я ничего не сказал, окромя...

ОБЛОМОВ. Ты понимаешь ли что ты сделал? Ты огорчил барина. Ведь огорчил?

ЗАХАР. Огорчил. Чем же-с?

ОБЛОМОВ. Чем? Да подумал ли ты что такое "другой"? Сказать ли тебе что это такое? Другой, кого ты разумеешь, есть голь окаянная, грубый необразованный человек, живёт грязно, бедно, на чердаке. Что такому делается? Ничего. Возьмёт подстилку и идёт... Куда, мол, ты? "Переезжаю" - говорит. Вот это так другой. А я, по-твоему, "другой" - а? Другой сам себе сапоги чистит, послать по делам некого - сам сбегает за чем нужно и пыль оботрёт сам...

ЗАХАР. Из немцев много таких.

ОБЛОМОВ. То-то же! А я? Как же ты думаешь, я - "другой"?

ЗАХАР. Вы совсем другой! Бог знает, что это напустило такое на вас...

ОБЛОМОВ. «Другой» работает без усталости, просит, унижается. А я? А ну-ка, реши!

ЗАХАР. Да полно вам, батюшка, томить меня жалкими словами!

ОБЛОМОВ. Я что мало ем, худощав или жалок на вид? Я ни разу не натянул себе чулок на ноги, сколько живу. Ты лучше всех об этом знаешь. И воспитан я нежно и голода и холода никогда не знал. Так как же у тебя достало духу равнять меня с другими? Разве я могу, как прочие всё, это делать и переносить?

ЗАХАР. Виноват, право, по глупости...

ОБЛОМОВ. А я ещё забочусь день и ночь о вас о крестьянах, стало быть, и о тебе. Думаешь там, под одеялом я сплю? Нет, не сплю я, а думаю всё крепкую думу, чтоб крестьяне не потерпели ни в чём

нужды, чтобы поминали меня добром. Чтоб хозяйство процветало в родной Обломовке! Чтоб народ благоденствовал. Неблагодарные!

ЗАХАР. Батюшка, полно вам! Что вы такое несёте!

ОБЛОМОВ. А ты... А ты... Вот какую змею я пригрел на груди!

ЗАХАР. Змея?

ОБЛОМОВ. А я ещё в плане моём определил ему особый дом, огород, назначил. Мужики тебе в пояс, все тебе: Захар Трофимович да Захар Трофимович! А он всё ещё не доволен и в "другие" меня пожаловал! Вот и награда! Славно барина честит!

ЗАХАР. Помилуйте, Илья Ильич!

ОБЛОМОВ. Ну, теперь иди с богом. От эдакого расстройства придётся снова лечь. Да квасу принеси ещё, в горле пересохло, слышишь, как барин хрипит. До чего довёл, окаянный!

Обломов ложиться в кровать, Захар ставит кувшин с квасом на стол. Бережно укутывает барина в одеяло.

ШЕСТАЯ КАРТИНА

«СОН».

И снится Илье Ильичу сон, в котором он, в ночной рубашке летает среди деревьев и зелени. Нет здесь ни моря, ни высоких гор, скал и пропастей, ни дремучих лесов - нет ничего дикого и угрюмого. Неожиданно громко бьют часы. Входит Захар.

ЗАХАР. Илья Ильич! Эк спит-то! Илья Ильич! Вставайте: половина пятого. Что это за срам!

ОБЛОМОВ. Кто тут?

ЗАХАР. Да я, вставайте.

ОБЛОМОВ. Поди прочь!

ЗАХАР. Вставайте!

ОБЛОМОВ. Чего тебе надо?

ЗАХАР. Вы велели разбудить себя.

ОБЛОМОВ. Знаю. Ты исполнил свою обязанность и пошёл прочь! Остальное касается до меня...

ЗАХАР. Не пойду.

ОБЛОМОВ. Не трогай меня!

ЗАХАР. Нельзя, Илья Ильич, я бы рад - радёхонек, да никак нельзя!

ОБЛОМОВ. Ну, сделай же такую милость, не мешай.

ЗАХАР. Да, сделай вам милость, а после сами же будете гневаться, что не разбудил...

ОБЛОМОВ. Ах ты, боже мой! Что это за человек! Ну, дай хоть минутку соснуть; ну что это такое, одна минута? Я сам всё знаю... *(засыпает)*

ПАУЗА

ЗАХАР. Знаешь ты дрыхнуть! Дрыхнет, словно чурбан осиновый! Зачем ты на свет-то божий родился? Да вставай же ты, говорят тебе!

ОБЛОМОВ *(Просыпаясь)* Что? Что?

ЗАХАР. Что, мол, сударь, не встаёте?

ОБЛОМОВ. Нет, ты как сказал-то? Как ты смеешь так?

ЗАХАР. Как?

ОБЛОМОВ. Грубо говорить?

ЗАХАР. Это вам во сне примерещилось... ей богу, во сне.

ОБЛОМОВ. Ты думаешь, я сплю? Я не сплю, я всё слышу... *(засыпает)*

ПАУЗА

ЗАХАР. Что ты лежишь-то! На тебя смотреть тошно! Тьфу! Вставайте!

ОБЛОМОВ. Оставь меня в покое! Я велел тебе будить меня, а теперь отменяю приказание, слышишь ли? Я сам проснусь, когда мне вздумается.

ЗАХАР *(Кричит во всё горло)*. Посмотрите-ка, что вокруг делается! Погляди сюда, добрые люди!

ОБЛОМОВ. Постой же, вот я тебя выучу, как тревожить барина, когда он почивать хочет!

Обломов бежит за Захаром, лупит его подушкой. Захар отступает к выходу, там сталкивается со Штольцем.

ЗАХАР. Андрей Иванович! Вы ли это?!

ОБЛОМОВ. Андрей! Андрей! Наконец-то!

ШТОЛЬЦ. Ах, вы, Обломовцы! Ах, вы, бездельники!

СЕДЬМАЯ КАРТИНА

«ДРУГ»

ЗАХАР. Уж не чаяли вас и дожждаться! Радость –то какая!

ШТОЛЬЦ. Ну, здравствуй, Илья!

ОБЛОМОВ. Андрей, как я рад!

ШТОЛЬЦ. Здравствуй, Захар! Всё поживаете, значит?

ЗАХАР. Всё поживаем! Давайте вещи ваши приму. И чаю немедля принесу.

Захар уходит.

ШТОЛЬЦ. Неси, неси! Ну, что, как ты поживаешь, друг мой? Здоров ли?

ОБЛОМОВ. Ох, нет, плохо, брат Андрей, какое тут здоровье.

ШТОЛЬЦ. А что, болен?

ОБЛОМОВ. Ячмени одолели.

ШТОЛЬЦ. Только и всего? Это ты наспал себе.

ОБЛОМОВ. Какое "только": изжога мучит. Ты послушал бы, что давеча доктор сказал. "За границу, говорит, ступайте, а то плохо: удар может быть".

ШТОЛЬЦ. Ну, что ж ты?

ОБЛОМОВ. Ты послушай, что тут он мне наговорил: поезжай в Египет...

ШТОЛЬЦ. Верно! В Египте будешь через две недели, а в Америке через три.

ОБЛОМОВ. И ты туда же. Один толковый человек был, и тот с ума спятил. Как же могу ехать, когда у меня здесь...

ШТОЛЬЦ. Ну а каковы твои дела? Что в Обломовке?

ОБЛОМОВ. Ах... Захар! Где письмо! Неси письмо!

ШТОЛЬЦ. Что же случилось?

ОБЛОМОВ. Знал бы ты, что мне староста из деревни пишет! Захар, где письмо? Андрей должен его непременно прочесть.

ЗАХАР. Еле сыскал. В кухню Анисья по недомыслию унесла. Вот оно, проклятое.

Передаёт письмо Штольцу.

ШТОЛЬЦ. *(Бегло читает письмо и хохочет)*. Ах, шельмец твой староста! Кстати, а ты не знаешь, что рядом с Обломовкой пристань хотят устроить и шоссе проведут?

ОБЛОМОВ. Как же так? Зачем?

ШТОЛЬЦ. Красота! Скоро твоё хозяйство у большой дороги будет, а это выгода.

ОБЛОМОВ. Ужас, ещё одна беда! Значит, мужики повадятся в город, к нам купцы таскаться начнут - всё пропало. Беда!

ШТОЛЬЦ. *(Кончая читать)*. Месяца и года в письме нет. Должно быть, валялось письмо у старосты полгода. Всё в кучу свалил и засуху, и заморозки. Надо тебе самому в дело вмешаться, поезжай в Обломовку.

ОБЛОМОВ. Да у меня план ещё не весь готов и...

ШТОЛЬЦ. План? Ещё не готов? Ты ведь давно что-то с этим планом переустройства хозяйства возишься, а конца и нет. Что ж ты делаешь целыми днями?

ОБЛОМОВ. У меня ведь и другое несчастье, братец. С квартиры гонят.

ШТОЛЬЦ. Ну, так что ж?

ОБЛОМОВ. Как это "что ж", ведь я один на все дела: счета, перевозки, планы, деньги...

ШТОЛЬЦ. Ох, избаловался ты, Илья! Кстати, о деньгах: много ли их у тебя? Дай мне рублей пятьсот, а завтра из конторы возьму и верну тебе.

ОБЛОМОВ. Постой! Да где же они? Дай вспомнить. Недавно из деревни прислали тысячу, а теперь осталось... Вот тут десять, двадцать, двести... Эй, Захар, вот здесь я вчера две гривны положил.

ЗАХАР. Не видал. Отдали кому-нибудь и забыли.

ШТОЛЬЦ. Ах, вы, Обломовцы! Не знают счёта деньгам.

ЗАХАР. А давеча Михею Андреевичу вы что отдавали?

ОБЛОМОВ. Верно, ведь был Тарантьев...

ШТОЛЬЦ. А этому проходимцу что здесь надо?

ЗАХАР. Вот правильное слово. Он, Андрей Иванович, придёт сюда словно в свой дом или в трактир. Рубашку взял, жилет взял - и поминай как звали. А сегодня фрак хотел выманить. Уняли бы вы его, батюшка.

ОБЛОМОВ. Не твое дело, Захар. Поди к себе.

ШТОЛЬЦ. Что с тобой, Илья? Что тут, чёрт возьми, происходит, а? Ходишь ли ты куда-нибудь? Где бываешь, с кем видишься?

ОБЛОМОВ. Всё дома сижу, план обдумываю...

ШТОЛЬЦ. Дома? Вот здесь в этом болоте? И книг у тебя не вижу. Захар, сними занавески и проветрить надо весь дом.

ЗАХАР. Стало быть проветрим.

ШТОЛЬЦ. Значит, словно ком свернулся и лежишь. Так? Говори, как есть.

ОБЛОМОВ. Правда твоя, лежу, словно ком. Но спроси меня, почему?

ШТОЛЬЦ. Почему?

ОБЛОМОВ. Знаешь, Андрей, в жизни моей ведь никогда не загоралось никакого, ни спасительного, ни разрушительного огня. Жизнь моя кажется мне погасанием. Странно, но это так! И особенно начал гаснуть я здесь в Петербурге над писанием бумаг в канцелярии. Потом гаснул с приятелями, слушая их холодную, пустую болтовню о карьере и деньгах. Гаснул, глядя на дружбу, поддерживаемую сходками без цели, без симпатии друг к другу. Гаснул в унылом и тупом хождении по Невскому проспекту среди енотовых шуб и бобровых воротников, где я числился сносным женихом. А моё самолюбие тратилось на то, чтобы заказывать платье у известного портного, чтоб попасть в известный дом, чтоб князь «П» пожал мне руку и так далее... А ведь самолюбие – это соль жизни. Куда оно ушло? Или я не понял самих законов этой общепринятой жизни? Или мне никто не указал других? Двенадцать лет живу так, словно свет во мне заперт.

ШТОЛЬЦ. Но надо же выйти из этого сна, Илья? Ты это понимаешь?

ОБЛОМОВ. Пробовал прежде, не удалось, а теперь зачем?

ШТОЛЬЦ. Вот оно как. Тебе, кажется, и жить-то лень. Так вот что, друг мой, сейчас сядешь писать просьбу о выдаче паспорта, завтра подашь, а через неделю поедешь со мной за границу. И не смей возражать!

ОБЛОМОВ. Вот уж и завтра.

ШТОЛЬЦ. Именно – завтра!

ОБЛОМОВ. Разве сначала в деревню...

ШТОЛЬЦ. Нет, не увиливай!

ОБЛОМОВ. А потом и за границу...

ШТОЛЬЦ. Илья, приди в себя! Тебе нужна телесная и душевная гимнастика.

ОБЛОМОВ. Гимнастика, конечно! Ты прав! Да я в полном порядке, я...

Штольц решительно направляется к Обломову, словно играя с ним в игру. Обломов, понимая, что натиск неотвратим, пытается убежать и прятаться.

ШТОЛЬЦ. В порядке, говоришь? А что это у нас один чулок нитяной, а другой бумажный?

ОБЛОМОВ. Это я со сна...

ШТОЛЬЦ. Да и рубашка наизнанку одета. А ну-ка мы сейчас её переоденем. Да в божеский вид господина приведём!

ОБЛОМОВ. Оставь, Андрей! Это всё Захар, он мне в наказание послан.

ШТОЛЬЦ. Нет, я тебя не оставлю и не думай! Захар! Помогай мне! Одеваться Илье Ильичу! Срочно!

ОБЛОМОВ. Куда, помилуй, что ты? Сейчас ко мне гости придут, обедать.

ШТОЛЬЦ. К чёрту всех твоих гостей!

ЗАХАР. Верно, Андрей Иванович! К чёрту их всех! Надоели.

ШТОЛЬЦ. Через неделю ты не узнаешь себя! Ужо я встряхну тебя! Захар!

ЗАХАР. Слушаю, батюшка!

ШТОЛЬЦ. Сапоги и костюм барину! И самого барина подать сюда!

Штольц с Захаром ловят Обломова. Облачают его в платье.

ОБЛОМОВ. Да ты, того, Андрей! Пстой! Как же это вдруг... дай подумать... ведь я не брит.

ШТОЛЬЦ. Дорогой обреешься, я тебя завезу сначала в бани, а после к цирюльнику. Я из тебя человека сделаю.

ОБЛОМОВ. Да разве выдержу я так с ходу - в люди?

ШТОЛЬЦ. Не прибедряйся, ты вон какой крепкий! Всё снесёшь! А ты, Захар, впредь, всем гостям говори, что Илья Ильич всё лето не будет дома обедать, что у него много дел, и что видется с ним не удастся.

ОБЛОМОВ. Не могу я так скоро, Андрей! Да куда это мы? Да зачем?

ШТОЛЬЦ. Чтобы жить, Илья! Чтобы жить! Скорей! Скорей!

РЕКЛАМА № 3

ВОСЬМАЯ КАРТИНА

«Философия»

ПРИКАЗЧИК. Лучший товар из Европы, улучшает рост волос! Французская нежная пудра с успехом украсит ваш нос! Гантели и гири лучшие в мире исправят мгновенно ваш торс! Клюквенный морс из холодной Сибири! Капли от сердца на рыбьем жире!

Появляются Штольц и Обломов.

ПРИКАЗЧИК. Что пожелают господа? Есть новый товар из Берлина и Парижу, из Вены и Рима.

ШТОЛЬЦ. Фёдор, подбери ты нам костюм для гимнастики и водных моционов для моего лучшего друга! Понимаешь о чём я?

ПРИКАЗЧИК. Не извольте беспокоиться. Айн момент, господин Штольц! Ознакомьтесь с нашими лучшими образцами, господин Штольц.

Приказчик снимает мерки с Обломова и ненадолго исчезает. Появляется парикмахер, Штольц усаживает друга в кресло, парикмахер занимается его причёской.

ОБЛОМОВ. Зачем ты меня ещё и сюда привёз? Знаешь ведь - я до лавок не охоч.

ШТОЛЬЦ. Мы по делу. Я же обещал тебе купальный костюм подобрать.

ОБЛОМОВ. Зачем же мне костюм, ежели я плавать совсем разучился.

ШТОЛЬЦ. Не артачься, Илья! Ведь мы договорились?

ОБЛОМОВ. Да, но...

ШТОЛЬЦ. Я вожу тебя по гостям, по деловым людям не случайно. Они ведь тоже разного сорта бывают. Одни жмоты и душегубы, а другие вдаль смотрят и мир этот переделать хотят. Таких мало, но они есть. Посмотри, как эти приказчики подтянуты, как делу преданы. А почему? Потому что не пьют водки, не пролёживают бока на диванах, а работают. И поверь мне, что через короткое время они прирастят свой малый торговый капитал, откроют своё дело, потом магазин в торговых рядах, а там и до фабрики недалеко. Разве это не дельные головы? Разве это не бурление истинной жизни?

ОБЛОМОВ. Суета. Одна суета. Лавок я, что ли, не видал?

ШТОЛЬЦ. А что не суета?

ОБЛОМОВ. По-твоему, лавки и торговля – начало всех начал? Вот эта толкотня локтями?

ШТОЛЬЦ. Именно! И чем больше лавок, тем жирнее курица на твоём обеденном столе.

ОБЛОМОВ. Не нравится мне такая жизнь!

ШТОЛЬЦ. Какая же тебе нравится? Мы же не в сказке, Илья!

ОБЛОМОВ. Вечная беготня взапуски, вечная игра дрянных страстишек, особенно жадности, сплетни, оглядывание с ног до головы; послушаешь о чём говорят, так совсем одуреешь. "Этому дали то, тот получил аренду"- Помилуйте, за что? - кричит кто-нибудь. "Этот проигрался в клубе, этот задолжал триста тысяч". Скука! Скука! Где же тут человек? Где его целостность? Куда он скрылся, как разменялся на всякую мелочь?

ШТОЛЬЦ. Им самим не скучно! Да лавки. Да клубы. Что-нибудь должно занимать общество. У всякого свои интересы. А что твоя жизнь на диване лучше?

ОБЛОМОВ. Не знаю. Наверное, нет.

ШТОЛЬЦ. Нет! Нет! И ещё раз нет!

ПРИКАЗЧИК. Вот, Андрей Иванович, извольте образцы материи утвердить! Наилучшие экземпляры. Уж поверьте, наш глаз, что алмаз.

ШТОЛЬЦ. Вот этот цвет для меня, а это для Ильи Ильича.

ОБЛОМОВ. Не слишком ли ярко, Андрей?

ШТОЛЬЦ. В самую пору.

ПРИКАЗЧИК. Прекрасный выбор. Вы нам, Андрей Иванович, новую английскую мануфактуру обещали привезти. Ждём с нетерпением.

ШТОЛЬЦ. Вот вернусь с выставки, и получите лучшие экземпляры.

ПРИКАЗЧИК. Премного благодарны.

ШТОЛЬЦ. Как скоро будет готов костюм для Ильи Ильича?

ПРИКАЗЧИК. Цвайн минут! Цвайн минут!

ОБЛОМОВ. А наша избранная молодёжь? С каким презрением они смотрят на тех, кто не так одет, как они. Воображают, что они выше толпы, что они избранные. Им всем подавай Лондон и Париж. Родные поля и леса им уже не сняться во сне.

ШТОЛЬЦ. Зато они сняться тебе.

ОБЛОМОВ. Третьего дня, за обедом не знал куда смотреть, когда благородные господа начали перемывать кости тех, кто отсутствовал: тот у них глуп, этот низок, другой вор. Зачем же они все сходятся? Зачем крепко жмут друг другу руки при встрече? А речи говорят прилюдно такие, что завтра их в святые заноси. Все лгут всем! Что это за жизнь? Я не хочу её совсем.

ШТОЛЬЦ. Ну, что ещё? Продолжай, Илья. Похоже, мой друг, ты проснулся. Это уже хорошо. Не зря мы в свет вышли.

ОБЛОМОВ. И добро бы истину искали, блага другим добывали - нет, они бледнеют от успеха товарища. Одно желание у них: урвать себе кусок побольше. Только пыль в глаза пускают. Да бог с ними, я их не трогаю. Только не вижу цели в таком существовании. Ради чего? Разве в этом мире есть для меня место?

ШТОЛЬЦ. Непременно!

ОБЛОМОВ. Но я его не вижу.

ШТОЛЬЦ. А я вижу: с твоей широкой душой, с твоим умом! Мы тебя переделаем, даю слово! А какую бы ты начертал себе жизнь?

ОБЛОМОВ. Уехал бы в деревню.

ШТОЛЬЦ. Что ж тебе мешает? Поезжай немедленно.

ОБЛОМОВ. План не кончен. Потом я бы уехал не один, а с женой.

ШТОЛЬЦ. Чего ж ты ждёшь? Ещё года два, три и за тебя никто не пойдёт.

ОБЛОМОВ. Состояние не позволяет.

ШТОЛЬЦ. Помилуй, а Обломовка? Триста душ?

ОБЛОМОВ. Так что ж? Чем тут жить с женой? Хозяйство моё - почти руины. Не могу я им верно

управлять. А дети пойдут?

ШТОЛЬЦ. Детей воспитаешь, сами достанут; умей направить их так.

ОБЛОМОВ. Верное слово – умей.

ШТОЛЬЦ. Ладно. А если вдруг тебе ещё триста тысяч привалило бы капиталу. Что бы стал делать?

ОБЛОМОВ. Сейчас же в ломбард под проценты. Ими бы и жил.

ШТОЛЬЦ. Там мало процентов. Отчего же ни в компанию, какую деньги вложить, хоть в мою?

ОБЛОМОВ. Нет, Андрей, меня не надуешь.

ШТОЛЬЦ. Ты бы и мне не поверил?

ОБЛОМОВ. Ни за что! То ли дело в банк.

ШТОЛЬЦ. Ну, хорошо, положил в банк, имеешь проценты. Дальше? Поехал бы свет посмотреть?

ОБЛОМОВ. Ни за что! У кого нет угла, те пускай и ездят.

ШТОЛЬЦ. Забавно. К какому же разряду общества ты себя причисляешь?

ОБЛОМОВ. Спроси Захара. И он тебе скажет, что я барин.

ШТОЛЬЦ. Барин! Илья, я сейчас с ума сойду от твоих речей!

ОБЛОМОВ. Да, барин. И что же тут не так?

ШТОЛЬЦ. Барин - вот оно что! Ну-с, барин Илья Ильич, как бы ты стал дни свои проводить при деньгах больших?

ОБЛОМОВ. Погода чудная, новый дом на взгорке. Река чуть плещет; колосья ржи волнуются, жена правит, едва поднимает весло...

ШТОЛЬЦ. Да ты поэт, Илья.

ОБЛОМОВ. Потом зайти в оранжерею, потом заглянуть на кухню. А там повар в белом, как снег фартуке и колпаке суетиться. Запахи пряностей, трав, мороженого... Прилечь на кушетку после. Жена читает что-нибудь вслух, останавливаемся, спорим... Но гости едут, например ты с женой.

ШТОЛЬЦ. Ба, ты и меня женишь?

ОБЛОМОВ. Непременно. Ещё два, три приятеля. Пойдут шутки разговоры. В глазах собеседников симпатия, в шутке искренний незлобный смех. Никакой фальши! Всё по душе! И у всех, что в глазах, то и в словах... После обеда трубка на террасе... Потом сковорода грибов, котлеты, ягоды, музыка... Женский голос поёт романс. Вот этот *(напевает)*.

ШТОЛЬЦ. Ты любишь этот романс? Я очень рад: его прекрасно поёт Ольга Ильинская. Я познакомлю тебя - вот голос, вот пение! Да и сама она - очаровательное дитя. У меня к ней слабость. Однако ж не отвлекайся, рассказывай.

ОБЛОМОВ. Ну, что ещё? Да тут и всё - вся поэзия тихой жизни. Не трачу я жизнь на суету, получаю удовольствие от природы и людей. Гости расходятся по флигелям, по павильонам: а завтра кто удить, кто с ружьём. Разве это не прелесть?

ШТОЛЬЦ. И весь век так?

ОБЛОМОВ. До седых волос, до гробовой доски. Никаких бирж, никаких акций, никаких чинов, никаких денег на коляски и извозчиков. И никогда не надо никуда переезжать. Разве это не жизнь?

ШТОЛЬЦ. Нет! Нет! Ну, тебя к чёрту!

ОБЛОМОВ. А что же это по-твоему?

ШТОЛЬЦ. Это всё чудовищно! Это? Это какая-то обломовщина.

ОБЛОМОВ. О-бло-мов-щина... об-ло-мов-щи-на... Но разве не все добиваются того, о чём я мечтаю? Все хотят покоя. Разве цель всей вашей беготни, страстей, торговли, политики разве не выделка покоя, не стремление к этому идеалу утраченного рая?

ШТОЛЬЦ. Ох, как ты загнул! Как ты подковал своих коней! И утопия-то у тебя обломовская. Но всё ты перепутал, Илья. Жизнь – это борьба.

ОБЛОМОВ. Но ведь все ищут покоя. Разве не так?

ШТОЛЬЦ. Не все, и ты сам, лет десять не того искал в жизни. Вспомни где твои книги, где переводы?

ОБЛОМОВ. Не знаю, тут где-нибудь в углу лежат, должно быть...

ШТОЛЬЦ. Помню, как ты однажды принёс перевод из древнегреческого, с посвящением мне в именины. Перевод тот цел у меня. А когда я сделал план поездки за границу, звал заглянуть в германские университеты, ты вскочил, обнял меня и подал руку: " Я Андрей с тобой всюду!" - это всё твои слова. Разве нет? Я выучил Европу вдоль и поперёк и Россию знаю. И тружусь... А ты? Всё забыл?

ОБЛОМОВ. Когда-нибудь перестанешь же трудиться. Не до седых же волос...

ШТОЛЬЦ. Я не перестану. Для чего?

ОБЛОМОВ. Но когда же жить? Для чего мучиться весь свой век в трудах и заботах?

ШТОЛЬЦ. Для самого себя, больше ни для чего. Труд - цель и стихия жизни. От него я получаю наслаждение.

ОБЛОМОВ. Тебя сумели научить...

ШТОЛЬЦ. Именно! Вон ты выгнал труд из своей жизни: на что она стала похожа? Теперь у тебя хандра, тоска, страх. Поскребёшь в твоём мозгу, а там один квас. Я попробую приподнять тебя ещё один раз. Теперь или никогда. Ты меня слышишь? Ты мне-то веришь?

ОБЛОМОВ. Тебе только и верю.

ПРИКАЗЧИК. Господин Штольц, заказ готов! Костюмчики в лучшем виде. Не изволите ли

примерить?

ШТОЛЬЦ. Я ведь для себя не заказывал.

ПРИКАЗЧИК. Для вас – совершенно бесплатно.

ШТОЛЬЦ. Получи сполна и возьми на чай.

ПРИКАЗЧИК. Благодарствуем!

ОБЛОМОВ. Зачем ты платишь за меня, Андрей?

ШТОЛЬЦ. Это мой тебе подарок. Ведь сегодня ты начинаешь новую жизнь. Или ты не готов, лежебока?

ОБЛОМОВ. Спасибо. Я, Андрей, всё знаю, всё понимаю, о чём ты говоришь... Но силы и воли нет. Не брани меня, Андрей, а лучше в самом деле помоги. Ведь есть же какое-то средство?

ШТОЛЬЦ. Зачем же ты не вырвался, не бежал куда-нибудь, а молча погибал столько лет? Зачем не звал меня?

ОБЛОМОВ. Стыдно мне. Да и куда бежать? Ведь я уже не мальчишка.

ШТОЛЬЦ. Я не оставляю тебя, так и знай! Завтра начнём хлопотать о паспорте за границу, потом станем собираться, а там и дело сыщется. Я не отстану, - слышишь, Илья?

ОБЛОМОВ. Надо подготовиться, обдумать всё.

ШТОЛЬЦ. Обломовщина! Обломовщина! А теперь вот что. Немедленно едем купаться! Едем в гости к Ильинским, у них чудный пруд! Немедленно! Теперь или никогда. Повтори за мной!

ОБЛОМОВ. Теперь или никогда!

ДЕВЯТАЯ КАРТИНА

«Первая встреча»

Дача Ильинских, у пруда устроена купальня. Здесь же стоит чайный столик. Ольга поёт. Из кустов сирени доносится голос Штольца.

ШТОЛЬЦ. Ку-ка-ре-ку!!!

ОЛЬГА. Штолец, вы сумасшедший! Вы меня напугали!

ШТОЛЬЦ. А вот и мы, Ольга Сергеевна! Оцените наши новые купальные костюмы. Специальный пошив для похода к вам.

ОЛЬГА. Вы неотразимы. Особенно ваш спутник. Но я вас накажу за хулиганство!

ШТОЛЬЦ. Да! Да! Накажите меня скорее, но сначала поцелуйте!

ОЛЬГА. Ни за что! Никогда!

ШТОЛЬЦ. Тогда займитесь моим другом! Я решил наконец-то представить его вам! Это сам Обломов! Запомните эту фамилию! Это целый мир! Неизведанный мир! Неоткрытый, загадочный мир! А я пока спешу нырнуть в воду!

Штольц бежит к пруду. Обломов подходит к Ольге.

ОБЛОМОВ. Простите, что мы так неожиданно, но Андрей сказал, что здесь всё у вас по -дружески.

ОЛЬГА. Здравствуйте, здравствуйте, господин Обломов. Я много о вас наслышана от Андрея. И на самом деле я уже с утра вас жду, а вы всё не едете.

ОБЛОМОВ. Вот как... Но Андрей не говорил, что вы ждёте. Он о вас мне тоже немного рассказывал. Давно снимаете здесь дачу? У меня есть интерес подыскать подходящее место на лето.

ОЛЬГА. Здесь мы с тетушкой уже вторую неделю. Чудесные места. И какая здесь пахучая сирень. Когда вы в ней прятались, наверняка успели насладиться запахом, а?

ОБЛОМОВ. Да, от этой сирени у кого угодно голова закружиться.

ОЛЬГА. Вам очень идёт этот купальный костюм.

ОБЛОМОВ. Вы намекаете, что он дурацкий? Мне не совсем ловко. Я, знаете ли, не привык... Эта новая мода...

ОЛЬГА. За границей никто этого не стыдится. Ведь это вполне естественно. И потом, мы не голые. А вы так и ехали в карете? Где ваш цилиндр, перчатки?

ОБЛОМОВ. Мы разоблачились неподалёку, там в беседке. Андрей большой шутник, решил вас напугать.

ОЛЬГА. Ему этого не удалось. Я не боюсь ничего.

ОБЛОМОВ. Разве так бывает?

ОЛЬГА. Вы прямо - таки дикарь, Илья Ильич. А правда ли, что вы очень скучаете?

ОБЛОМОВ. Правда, но только не очень. У меня есть занятие.

ОЛЬГА. Андрей Иванович говорит, что вы пишете какой-то план или роман.

ОБЛОМОВ. Роман? Нет. Я хочу поехать в деревню пожить, вот и приготавлиюсь потихоньку.

ОЛЬГА. А за границу поедете?

ОБЛОМОВ. Да, непременно, вот как только Андрей Иванович соберётся.

ШТОЛЬЦ. Эй, вы, сухопутные существа, идите купаться! Илья, надо промокнуть в этих священных водах твой новый купальный костюм!

ОБЛОМОВ. Холодно. Я, пожалуй, повременю!

ШТОЛЬЦ. Ольга, тащите этого ленивца в воду!

ОЛЬГА. Мы это сделаем без вас! И без ваших указаний. Мокнете себе на здоровье! А вы, Илья Ильич, охотно едете за границу?

ОБЛОМОВ. Да, очень охотно. Я немного ленив, но...

ОЛЬГА. Ленив? Мужчина ленив? Может ли это быть? Я этого не понимаю.

ОБЛОМОВ. Чего тут не понимать? Я всё больше дома сижу, оттого Андрей и думает, что я...

ОЛЬГА. Что ж вы читаете?

ОБЛОМОВ. Я люблю больше путешествия.

ОЛЬГА. Ага, выходит, что вы ещё и романтик. Затворник, романтик и землевладелец. Забавно!

Штольц возвращается с купания, обтирается полотенцем.

ШТОЛЬЦ. Илья, вот я говорил Ольге, что ты страстно любишь музыку.

ОБЛОМОВ. Зачем же ты наговариваешь на меня. Иногда я с удовольствием слушаю шарманку, в другой раз уйду на половине оперы. Смотря по настроению. Иногда и от Моцарта уши зажмёшь.

ОЛЬГА. Значит, вы истинно любите музыку? Мужчины редко в этом признаются.

ШТОЛЬЦ. Пусть Ольга нам ещё споёт. Ты же убедился, что она прекрасно поёт.

ОБЛОМОВ. Убедился. Это действительно прекрасно.

ШТОЛЬЦ. Ну, так что теперь нужно сделать?

ОБЛОМОВ. Тут, наверное, следует сказать какой-нибудь комплимент. Я не умею.

ОЛЬГА. А вы действительно хотите, чтобы я спела?

ОБЛОМОВ. Нет, это он хочет.

ШТОЛЬЦ. Ты грубиян, Илья. Вот, что значит залежаться дома и надевать чулки...

ОЛЬГА. Чулки? Какие чулки?

ОБЛОМОВ. Не слушайте его. В самом деле, спойте еще, пожалуйста.

ОЛЬГА. Нет. Я хочу услышать правду о чулках.

ОБЛОМОВ. Андрей, ты мне обещал, что...

Ольга берёт гитару и поёт.

ОБЛОМОВ. Это изумительно!

ШТОЛЬЦ. Скажи, Илья, по совести: как давно ты не чувствовал так?

ОБЛОМОВ. Давно, очень давно.

ОЛЬГА. Может быть, сегодня утром, когда мимо проходила сиплая шарманка?

ШТОЛЬЦ. Не знаю чему приписать, что вы сегодня пели так, как никогда не пели. Целую каждый ваш пальчик. А далее - вынужден оставить вас, дела. Ольга!

Отводит Ольгу в сторону.

ШТОЛЬЦ. Вот здесь, то, о чём вы просили: эта мазь для тётушки, эта пудра для вас, а вот эту книгу читайте внимательно, там очень интересно описаны испанские фруктовые блюда, которые позволяют очистить кожу лица.

ОЛЬГА. Сколько я вам должна?

ШТОЛЬЦ. Сочтёмся после. Тут такое дело... Мне нужно срочно уехать, коммерция и прочее... а оставить Илью сейчас одного мне бы не хотелось. Можете ли вы мне торжественно пообещать, что будете приглядывать за моим другом, за этим ленивцем... Занятие увлекательное и благородное...

ОЛЬГА. Обещаю.

ШТОЛЬЦ. Ольга, вы образец добродетели! За это я вас просто завалю духами и парфюмерией.

ОЛЬГА. Я даже готова заключить с вами пари, что совсем скоро вы его не узнаете.

ШТОЛЬЦ. По рукам! Обещайте мешать ему жить, спать после обеда, заставьте его писать письма в деревню и приготавливаться к поездке за границу. И главное – здоровый образ жизни! Гимнастика с утра до вечера!

ОЛЬГА. Обещаю.

ШТОЛЬЦ. Значит, сочтёмся потом!

ОБЛОМОВ. Андрей, что у вас там за секреты. Ты, верно, опять шутишь надо мной?

ШТОЛЬЦ. Нет, Илья! Мы прощаемся с Ольгой! Ведь мне завтра в путь!

ОБЛОМОВ. Но я ведь не могу остаться здесь без тебя.

ОЛЬГА. Но отчего же? Я вас не гоню. Я хочу говорить с вами. Я готова показать вам соседские дачи, те которые сдаются на лето.

ШТОЛЬЦ. А к вечеру я вернусь.

Штольц уходит.

ОЛЬГА. Не бойтесь, я вас не съем. К тому же скоро время обеда, а наш повар чудно готовит.

ОБЛОМОВ. Значит, не съедите?

ОЛЬГА. Нет.

ОБЛОМОВ. То есть, я выгляжу не аппетитно?

ОЛЬГА. Теперь вы ждёте от меня комплиментов? Не дождётесь! Хотите, я вам покажу вот эту книгу, рисунков, которую Андрей Иванович привёз из Индии? Здесь подробности о том, как должен дышать всякий здоровый человек.

ОБЛОМОВ. Вы, кажется, стараетесь по обязанности хозяйки занять меня? Напрасно.

ОЛЬГА. Я хочу, чтобы вам не было скучно, чтоб вы были здесь как дома, чтоб вам было ловко, свободно, легко и чтоб вы не уехали лежать...

ОБЛОМОВ. Благодаря откровенности моего друга, вы, кажется, излишне много про меня знаете.

ОЛЬГА. Разве у вас есть тайны? Может быть, преступления?

ОБЛОМОВ. Может быть.

ОЛЬГА. Да, это важное преступление, надевать разные чулки.

Обломов вскакивает, в порыве уйти.

ОЛЬГА. Простите! Я больше не буду! Спросите у меня что-нибудь

ОБЛОМОВ. Чем вы увлекаетесь кроме музыки?

ОЛЬГА. Всем! Я увлекаюсь жизнью. А вы?

ОБЛОМОВ. Жизнь? Интересно. Я такого давно не слышал.

ОЛЬГА. А вы приходите почаще, ещё и не то услышите. В частности, сейчас я увлечена французской гимнастикой. Она утончает стан.

ОБЛОМОВ. Но ваш стан и так...

ОЛЬГА. И... Что-что-что? Что вы хотели сказать? Она попытка сделать комплимент?

ОБЛОМОВ. Вы любите Андрея?

ОЛЬГА. Как друга. Как старшего друга. Он любит многих, а со мной говорит как с сестрой...нет, как с дочерью. Иногда даже бранит. Извините, что насильно заставила вас слушать моё пение. Но я кое-что заметила у вас на лице и...

ОБЛОМОВ. Что же?

ОЛЬГА. Слёзы, хотя вы их и скрывали. Это так необычно. Я много пою для гостей, но... Знаете, мне хочется спеть для вас ещё.

ОБЛОМОВ. Слёзы? Разве? Возможно. Возможно, это от того, что вы божественно пели. Если вы не против, то я хочу просить вас спеть ещё.

Ольга играет и поёт, аккомпанируя себе.

ОЛЬГА. Что с вами? Какое у вас лицо! Отчего? Посмотрите в зеркало, глаза блестят, боже мой, слёзы в них! Как глубоко вы чувствуете музыку!

ОБЛОМОВ. Нет, я чувствую... не музыку...

ОЛЬГА. А что же?

ОБЛОМОВ. Я чувствую нечто особое...

ОЛЬГА. Что же это?

ОБЛОМОВ. Я чувствую, я чувствую... любовь!

Обломов встаёт и торопливо уходит, оставляя Ольгу в недоумении.

ДЕСЯТАЯ КАРТИНА

«Завещание»

Штольц с Захаром вносят в спальню Обломова граммофон и большой портрет Штольца.

ЗАХАР. Побыли бы ещё Андрей Иванович. Ведь Илье Ильичу от вас поддержка и нам удовольствие.

ШТОЛЬЦ. Не могу, дела одолели. И потом, ведь мы скоро встретимся. Илья Ильич ведь говорил тебе о поездке в Германию?

ЗАХАР. Пугал он меня заграницей. Что было, то было.

ШТОЛЬЦ. Ты, Захар, за хозяином строго смотри! Не давай ему никаких поблажек.

ЗАХАР. Проявим усердие, Андрей Иванович!

ШТОЛЬЦ. Чтобы никаких дневных засыпаний. Вот тут ему кое-что для гимнастических упражнений. А здесь китовая мазь для похудения. Это будешь добавлять ему в чай.

ЗАХАР. Это что за диковина такая? Трава что ли?

ШТОЛЬЦ. Очень полезный французский продукт. Весьма бодрит.

ЗАХАР. Сделаем, Андрей Иванович, не сомневайтесь.

ШТОЛЬЦ. А ежели что, так прямо и говори: Андрей Иванович, мол, велел то-то и то-то. Теперь неси молоток и гвозди. Я ему покоя не дам, пусть так и знает.

Штольц забивает гвоздь в стену над кроватью Обломова, вешает свой портрет.

ШТОЛЬЦ. Завтра буду ему телеграфировать.

ЗАХАР. (*Глядя на портрет*) Вы, Андрей Иванович, в мундире, словно генерал и на батюшку своего сильно похожи.

ШТОЛЬЦ. Теперь я буду зреть всё, так и знайте, Обломовцы! Ничего вам от меня не утаить! Иди сюда, Захар, я научу тебя, как пользоваться этой машиной.

ЗАХАР. Немецкая?

ШТОЛЬЦ. Именно!

ЗАХАР. Смилуйтесь, Андрей Иванович, нам дуракам, с таким зверем не совладать.

Штольц заводит граммофон, ставит пластинку, звучит бодрая музыка.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Реклама № 4

ОДИНАДЦАТАЯ КАРТИНА

«Обида»

Ольга на утренней пробежке. Рядом с ней бежит Обломов. Ему бежать трудно, но он не подаёт вида.

ОЛЬГА. Илья Ильич, вы не устали?

ОБЛОМОВ. Нет, что вы.

ОЛЬГА. Еще немного и сделаем перерыв.

ОБЛОМОВ. Со мной всё хорошо.

ОЛЬГА. Что пишет Андрей Иванович из Парижа?

ОБЛОМОВ. Зовёт к себе.

ОЛЬГА. Что же вам здесь на даче не нравится? Вы ведь только неделю её обживаете. Мы, как будто, хорошими соседями стали.

ОБЛОМОВ. Это верно. Я очень рад, что вы мне присоветовали дачу рядом с вами. Места отменные. Очень напоминают мне родную Обломовку.

ОЛЬГА. Отчего вы не веселы?

ОБЛОМОВ. В последние дни я сам много думаю об этом. Знаете, наверное, это оттого, что я не знаю цели своей жизни.

ОЛЬГА. Цель жизни – жить, наполнять себя энергией. И надуваться словно шар и лететь!

ОБЛОМОВ. Опять вы смеетесь надо мной.

ОЛЬГА. Вы до сих пор не знаете цели своей жизни? Я не верю: вы клевете на себя. Неужели нет ни одной идеи, которая вас вдохновляет?

ОБЛОМОВ. Вам смешно, но это правда. Сознаться в ней неловко.

ОЛЬГА. (*Скрывает ветку сирени*) Вы видите эту ветку?

ОБЛОМОВ. Вижу и она прекрасна.

ОЛЬГА. Но что она значит?

ОБЛОМОВ. Наверное, цвет жизни и...

ОЛЬГА. И мою досаду.

ОБЛОМОВ. Досаду на что? На кого?

ОЛЬГА. А разве я не похожа на эту ветку? Представьте, если кто-то берёт этот цвет жизни, наслаждается им и сам наполняется жизнью.

ОБЛОМОВ. Да? Я, кажется, прочитываю вашу мысль... Ольга...

ОЛЬГА. Я хочу написать письмо Штольцу?

ОБЛОМОВ. Давайте сегодня, ведь завтра мне в дорогу.

ОЛЬГА. Завтра? Уже завтра? Но, как же это так скоро? Но вы разве не придёте сегодня на ужин?

ОБЛОМОВ. Нет, не могу.

ОЛЬГА. Почему так скоро вы собрались?

ОБЛОМОВ. Я не скоро, я наоборот очень медлю с отъездом.

ОЛЬГА. Помедлите ещё.

ОБЛОМОВ. Больше не могу. Время, проводимое с вами, я не замечаю, оно проносится с ужасной скоростью. Казалось, вчера мы не были знакомы, а сегодня – словно годы прошли.

ОЛЬГА. Вы очень изменились за то короткое время, что я вас знаю. В вас, как будто что-то клокочет, словно кто-то, гонит вас.

ОБЛОМОВ. Да, Ольга Сергеевна, гонит.

ОЛЬГА. И что же это?

ОБЛОМОВ. Не спрашивайте меня.

ОЛЬГА. Нет, я вас так не отпущу. Вы стали мне слишком дороги. Я к вам привязалась. А вы хотите, исчезнуть без объяснений.

ОБЛОМОВ. Всё это время, что мы знакомы я чувствую необычайный подъем.

ОЛЬГА. Это от гимнастики, и от правильного дыхания. Я ведь вам говорила...

ОБЛОМОВ. Нет, нет, не то... Я, до сих пор, чувствую необычайный подъём и неловкость за тот,

самый первый день нашей встречи.

ОЛЬГА. Но вам тогда действительно шёл купальный костюм. Вы выглядели в нём мужественно. Если поначалу я смеялась, то это простительно девушке.

ОБЛОМОВ. Мужественно, правда?

ОЛЬГА. Очень мужественно.

ОБЛОМОВ. Помните в тот первый день я сказал вам... После вашего великолепного пения... Я хотел выразить, что твориться в моей душе и нашёл именно то слово. Но поверьте мне, это было невольно, я не мог удержаться. Всё это время я ощущаю некую неловкость. Я бы даже сказал, что всё это было похоже на водевиль. Я бы многое дал, чтобы возвратить то неосторожное своё слово. Забудьте, тем более что это неправда.

ОЛЬГА. О чём вы, не пойму? Что значит водевиль?

ОБЛОМОВ. Ради бога не сердитесь и забудьте.

ОЛЬГА. Что значит неправда? Всё это звучит очень странно...

ОБЛОМОВ. Уверяю вас, это было только минутное увлечение от музыки.

ОЛЬГА. Да что такое? О чём вы просите? Я всё забыла... я такая беспамятная. Я домой пойду.

ОБЛОМОВ. Подождите! Остановитесь! Ольга, не обижайтесь на меня.

ОЛЬГА. С чего вы решили, что я обижаюсь?

ОБЛОМОВ. Дайте руку в знак, того, что вы не сердитесь.

Ольга подаёт Обломову руку.

ОБЛОМОВ. Нет, вы сердитесь. Как уверить мне вас, что это было минутное увлечение? Никогда больше не стану слушать ваше пение. Я, может быть, даже проклиная себя, за то что...

ОЛЬГА. Не надо мне ваших уверений. Я и сама больше не стану вам петь. И вообще вы можете считать себя абсолютно свободным. Идите куда хотите. Вам нужно ехать за границу – счастливого пути.

ОБЛОМОВ. Ну вот, я вас обидел.

ОЛЬГА. Не вижу почвы для обиды. Если бы я вам хоть немного нравилась, а так... Что же получается, мне теперь никому петь нельзя. Мой голос приносит страдания людям, а они объясняют это, как неожиданную страсть. Так выходит? Действительно, как в плохом водевиле: она запела – он увлёкся. Очень обидно, честное слово...

ОБЛОМОВ. Ну, вот... Опять я не то говорю... Мне опять плакать хочется, глядя на вас.

ОЛЬГА. Нет! Не смейте! О, боже! Вы что смеетесь надо мной?

ОБЛОМОВ. Нет! Нет! Но это значит, только то, что у меня нет самолюбия, и я не стыжусь своего

сердца. Знаю, что это не свойственно тем, кто вас окружает, но это так. Опять я слышу ваше ангельское пение, ваш голос, музыку... то же волнение. Что же это такое? Что это такое, я вас спрашиваю?

ОЛЬГА. Я не знаю. И вообще, считаю этот разговор опасным: мы можем поссориться.

ОБЛОМОВ. Да, конечно, вы правы, я очень неловок. Нам не нужно ссориться.

ОЛЬГА. Вот что, Илья Ильич! Пока вы будете решать ехать за границу или нет, я предлагаю вам немного перекусить в нашем доме. Тетушка хотела вас видеть и говорить с вами. И уверяю вас, что петь она не будет.

ОБЛОМОВ. Ну что ж, тогда я готов последовать за вами.

ОЛЬГА. Дайте же мне руку! Вы очень неловки! Идёмте же, я обещаю вам полную неприкосновенность!

ДВЕНАДЦАТАЯ КАРТИНА

«Слуги»

Захар лежит на кровати Обломова, Анисья натирает пол щёткой.

АНИСЬЯ. Да ты напрасно, Захар Трофимович, сначала метёшь пол, а потом со столов сметаешь: пыль-то опять и насядет.

ЗАХАР. Ты что тут указываешь? Иди к своему месту.

АНИСЬЯ. Барин наш оттого и гневается, что ты всё путаешь.

ЗАХАР. Поди выколоти ковёр, да углы разбери.

АНИСЬЯ. Ты напрасно, Захар Трофимович, форточки открываешь после того, как трубу в печке закрыл. Весь пыл-жар и уходит.

ЗАХАР. Экая дура! Что ты в печках-то понимаешь?

АНИСЬЯ. А чтобы чай не пах мылом, я его в другой ящик переложила.

ЗАХАР. Ах ты, баба, хочешь ты умничать! Да разве у нас в Обломовке такой дом был? На мне одном всё держалось. Одних лакеев было пятнадцать человек. А ты тут меня поучать взялась.

АНИСЬЯ. А где же наш барин-то пропадает?

ЗАХАР. Известно где. У барыни Ильинской. Штольц их свёл. Тут дело не без умысла. Андрей Иванович и дачу эту сгношил для нас поблизости от Ильинских. Андрей Иванович голова, одно слово - немец.

АНИСЬЯ. Богатая, видно, барышня.

ЗАХАР. Откуда у ней богатство. Живёт у тётки по её милости. Замуж выскочить мечтает. А вот тут наш Илья Ильич и подвернулся. Характер у него слишком мягкий. А вам бабам только пападись.

АНИСЬЯ. Разве, Захар Трофимович, ты мне попался? Ты меня взамуж по-мужски брал.

ЗАХАР. Сравнила. Тут целый барин развесистый, мягкий, а я-то покрепче буду, как- никак дед кузнецом был.

АНИСЬЯ. Кажись, идут.

Входит Обломов, в изнеможении ложится на диван. Захар стаскивает с него сапоги.

ЗАХАР. Ну вот, дались вам эти гимнастики. Разве русскому человеку это к лицу? Крутить ногами, разоблачаться так что... просто срам...

ОБЛОМОВ. Это европейские моды. Не говори, коли ничего в этом не смыслишь.

ЗАХАР. Доведёте себя до коликов.

ОБЛОМОВ. В здоровом теле здоровый дух!

АНИСЬЯ. Вот испейте-ка квасу.

ОБЛОМОВ. Захар!

ЗАХАР. Чего изволите?

ОБЛОМОВ. Я, может быть, в город перееду.

ЗАХАР. Куды в город? Квартиры нет.

ОБЛОМОВ. На Выборгскую сторону.

ЗАХАР. Вот новости! А чемодан ваш куда девать? Продать обратно?

ОБЛОМОВ. Что ты с ума сошёл? Я на днях поеду за границу.

ЗАХАР. Ещё чего, за границу. Всё это разговоры. Как же вам можно ехать?

ОБЛОМОВ. Что ж тебе странного. У меня и паспорт готов. Вот только ещё...

ЗАХАР. А? Не расслышу.

ОБЛОМОВ. Через минуту меня и разбуди...

Обломов храпит.

ЗАХАР. Заграница. Что там мёдом намазано что ли? А кто там сапоги-то с вас станет снимать? Пропадёте без меня. Спит. Илья Ильич... Спит. Умаялся.

АНИСЬЯ. Не умаялся, а нагулялся всласть.

ЗАХАР. Ты тут не умничай. На то есть причина. Ежели б ты, к примеру, всё размеренно жила, а тут явились бы люди и стали тебя тягать туда-сюда с утра до вечера. Не утомилась бы ты?

АНИСЬЯ. Мы привычные. В Обломовке не жили. Неужто там вот так всё и было, как вы

рассказываете, Захар Трофимович?

ЗАХАР. Истинно тебе говорю, баба, что другого такого места на всём белом свете не сыщешь. Ни страшных бурь, ни разрушений никогда не бывало в нашем краю. Тишина и спокойствие, ни грабежей тебе, ни убийств.

АНИСЬЯ. Неужто, на земле такое бывает?

ЗАХАР. К лишнему никто не понуждал. Жили, как у Христа за пазухой. Не то, что здесь! Аспидный город! Жил бы я себе и жил в деревне, а вот кое-кому не сиделось при родителях! Полетел, поскакал! Зачем?

ЗАХАР. Эх спит-то! Словно каменщик! Вставайте же, Илья Ильич!

АНИСЬЯ. Ты сделай-ка то, что Андрей Иванович завещал. Он ведь запретил средь бела дня спать. И наказывал заводить эту трубу для побудки.

ЗАХАР. Это верно! Неси эту чёртову штуку сюда. Пущай сам Андрей Иванович барина нашего подымет. Так оно верней будет.

Анисья стягивает с граммофона чехол, ставит пластинку, заводит. С пластинки несётся голос самого Штольца, сопровождаемый бодрым маршем.

ГОЛОС ШТОЛЬЦА. Не спи, мой друг, уже заря алеет! Не спи, мой друг, у нас по горло дел! Не спи, мой друг, в аллеях девушки гуляют! И все кричат: вставай, вставай, Илья!!! Не спит Европа: Лондон и Париж, Берлин не дремлет, Рим гудит всечасно.

Захар и Анисья прячутся. Обломов резко вскакивает и, ничего не понимая, глядит на портрет Штольца.

ОБЛОМОВ. Андрей, ты? Что это? Где?

ГОЛОС ШТОЛЬЦА. Открой глаза, не то судьбу проспичь! Играй зарю и будешь бодр и счастлив! Не спи, Илья! Не спи! Не спи! Не спи!

Обломов встаёт, подходит к граммофону, останавливает пластинку.

ОБЛОМОВ. Кто тут? Кто тут шалит опять? Что это такое, Захар?

ЗАХАР. Вы велели разбудить.

ОБЛОМОВ. Что это такое, я тебя спрашиваю? Это ещё что за новости?

ЗАХАР. Андрей Иванович велел два раза в день заводить эту музыку.

ОБЛОМОВ. Сговорились, значит. Хотите сжить меня со света? Вот погоди, у меня!

ЗАХАР. Так ведь, Андрей Иванович...

ОБЛОМОВ. Пошёл прочь! Исполнил свою обязанность и пошёл прочь!

Анисья смеётся.

ЗАХАР. Перед лицом Андрея Ивановича исполнить своё обещание ...

ОБЛОМОВ. Ну, дай хоть минутку соснуть, ну что это такое одна минута? Я сам себя знаю...

Обломов бредёт к постели, ложиться, прячет пластинку под подушку, засыпает.

ЗАХАР. Знаешь ты дрыхнуть! Вишь дрыхнет, словно чурбан осиновый! Вот всё я Андрей Ивановичу доложу!

ОБЛОМОВ (*Мгновенно просыпается и вскакивает*). Что? Кто? Ты это здесь о чём?

ЗАХАР. Что, мол, сударь не встаёте?

ОБЛОМОВ. Нет, я слышал, как ты грубил! И Анисья слышала.

АНИСЬЯ. Я барин вся в деле, ничегошеньки не слышу.

ЗАХАР. Это вам во сне померещилось... Ей-богу, во сне.

ОБЛОМОВ. Ты думаешь, я сплю? Я не сплю, я всё слышу! Ты что же думаешь, что я по-старому тут бока отлёживать стану! Нет, Захар! С прошлым кончено! Ну, что у тебя за новости?

ЗАХАР. Воля ваша. От барыни Ильинской посыльный был. Сказывал, что на прежнем месте ждать вас будет Ольга Сергеевна в пять часов.

ОБЛОМОВ. Да что же ты с самого начала- то молчал, болван ты этакий!

ЗАХАР. Вот и снова Захар виноват.

Обломов лихорадочно прихорашивается и убегает.

АНИСЬЯ. Эх, его понесло-то... Неугомонная барышня попалась. А наш-то уже ведь не тот... Так и удар хватить мужчину может.

ЗАХАР. Но-но! Ты тут не каркай! У Ильи Ильича загрибок крепкий. А с вами, с бабами, это самое главное место.

АНИСЬЯ. Ой, Захар Трофимович! А я -то думала у вас другое место поглавнее имеется.

ЗАХАР. Ах ты, курица! Вот я тебя сейчас!

Анисья с хохотом убегает. Захар ставит пластинку и пытается делать зарядку. Выходит у него плохо

ТРИНАДЦАТАЯ КАРТИНА

"Беседка"

ОБЛОМОВ. Я не понимаю, что со мной, Ольга? Я себя не чувствую, я весь изменился.

ОЛЬГА. Я бы так не сказала. Вы должны измениться ещё больше.

ОБЛОМОВ. Ещё? Да разве это возможно?

ОЛЬГА. Разумеется. Я вижу в вас большой потенциал.

ОБЛОМОВ. Что вы хотите этим сказать?

ОЛЬГА. Может быть, вы влюблены?

ОБЛОМОВ. А вы? Чувствуете ли вы что-нибудь особенное?

ОЛЬГА. Вам нужно каждый день обновлять запас вашей нежности? А я люблю иначе. Мне без вас скучно: расставаться с вами ненадолго - жаль, надолго - больно. Я увидела и верю, что вы меня любите, - и счастлива.

ОБЛОМОВ. А что же такое жизнь по-вашему?

ОЛЬГА. Жизнь - долг, обязанность, следовательно, любовь - тоже долг.

ОБЛОМОВ. В чём же счастье любви, если у вас нет такой острой радости, какую испытываю я?

ОЛЬГА. Разве это не счастье, разве я жила когда-нибудь так? Прежде я не просидела бы здесь и получаса без книги или музыки. Говорить с мужчинами мне было скучно, я всё думала, как бы мне остаться одной. А теперь... и молчать вдвоём весело!

ОБЛОМОВ. Я так люблю вас, что если бы...

ОЛЬГА. Что?

ОБЛОМОВ. Если б вы полюбили теперь другого, и он был бы способнее сделать вас счастливой... я бы... молча проглотил своё горе и уступил ему место.

ОЛЬГА. Зачем? Эта какая-то прошлая ваша черта. Это слабость. Нельзя уступать никому своего счастья! Я так никогда бы не поступила!

ОБЛОМОВ. Я люблю вас до самоотвержения и готов жертвовать собой.

ОЛЬГА. Да зачем же? Не понимаю я! Всё очень просто! Сначала женщина любит, а потом выходит замуж.

ОБЛОМОВ. Ольга, верно ли то, что вы любите меня, как не любили ни отца, ни тётку, ни...

ОЛЬГА. Ни собачку. Не тревожьтесь пустыми сомнениями, а то счастье улетит.

ОБЛОМОВ. Теперь, при вас я уверен во всём. Но когда вас нет... Перед вами сумасшедший. заражённый страстью. И если пройдут сутки, двое и я не услышу от вас "люблю", то в сердце начинается тревога.

ОЛЬГА. Люблю, люблю, люблю - вот вам на трое суток запаса. Достаточно?

ОБЛОМОВ. Ольга, нам надо видиться реже.

ОЛЬГА. Это ещё почему?

ОБЛОМОВ. Мы так часто остаёмся наедине: сердце замирает у меня, я боюсь.

ОЛЬГА. Чего же?

ОБЛОМОВ. Вы слишком молоды и не знаете всех опасностей. Иногда человек не властен над собой: в него вселяется какая-то адская сила, гром и молния, ясность ума меркнет, уважение к невинности и чистоте – всё уносит вихрь, человек не помнит себя; на него дышит страсть, он перестаёт владеть собой – и тогда под ногами открывается бездна.

ОЛЬГА. Ну, что ж, пусть открывается!

ОБЛОМОВ. Ольга! Это очень серьёзно!

ПАУЗА

ОЛЬГА. Только молний в ваших глазах опять не видно: мелькнул и погаснул. Илья...

ОБЛОМОВ. И ещё я думаю, что не надо нам видиться наедине.

ОЛЬГА. Вот новость! Но почему?

ОБЛОМОВ. Ведь мы встречаемся тайно. Узнают, пойдут слухи. Тетушка ваша строгого воспитания. Мы не осторожны, что может выйти из этого?

Ольга резко встаёт.

ОЛЬГА. Не знаю. Я, пожалуй, пойду. Это правда, мы зашли слишком далеко. Очень далеко! Просто сил нет никаких! И выхода нет. Надо скорей расстаться, и замести след прошлого. Прощайте!

Ольга быстро уходит.

ОБЛОМОВ. То есть, как? Ольга Сергеевна! Постойте! Ради бога, воротитесь! Ольга, стой! Не уходи! Ушла... Что же это? Зачем же это я говорил? Неловкий я человек!

Ольга тихо появляется за спиной Обломова.

ОЛЬГА. Найдите мой зонтик. Я, кажется, оставила его где-то здесь.

ОБЛОМОВ. Ты со мной! Ты не ушла, не уйдёшь? Не уходи, помни: если ты уйдёшь – я пропаду, исчезну!

ОЛЬГА. Осторожно, Илья Ильич, кто-то идёт, нас могут увидеть гости тетюшки или сама тетюшка.

ОБЛОМОВ. Пусть! Не уходи!

ОЛЬГА. Я уйду и не ворочусь более, если вы будете играть мной.

ОБЛОМОВ. Ах, ей- богу, я не играю! Просто у каждого путь к счастью бывает разным, кто-то идёт по нему в полном спокойствии, а кто-то терзается, испытывает смертельные муки, трепещет в огне...

ОЛЬГА. Разве нам нужен этот путь? Я не хочу ни чахнуть, ни умирать. Нам надо просто и прямо смотреть на вещи. Можно идти другим, более коротким путём к счастью и испытывать при этом наслаждение, а не муки.

ОБЛОМОВ. Ведь вы ничего не боитесь, ведь то смятение и буря, что живут во мне, не пугает вас?

ОЛЬГА. Нет, у меня есть волшебный зонтик. Но идти вашим путём я не могу.

ОБЛОМОВ. Но отчего же?

ОЛЬГА. Оттого что на нём... впоследствии всегда... расстанутся, а я расставаться с вами не хочу! Никогда!

ОБЛОМОВ. Никогда? Правильно ли я слышу, Ольга Сергеевна?

ОЛЬГА. Никогда!!!!

ОБЛОМОВ. Мне хочется летать! Прыгать от счастья!

ОЛЬГА. Отлично! Идёмте к пруду, настал самый подходящий момент, чтобы я наконец-то выучила вас плавать и не тонуть!

РЕКЛАМА № 5

ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ КАРТИНА

«Лихорадка»

Илья Ильич один в своей комнате. В волнении он ходит, сочиняя послание Ольге.

ОБЛОМОВ. Не ошибка ли это? Она любит меня теперь так, словно вышивает по канве: тихо, выводя узор, любуясь, потом положит и забудет. Да это только приготовление к любви, опыт, а я - субъект, который подвернулся первый, немного сносный, для опыта, по случаю. Ведь случай свёл и сблизил нас. Она бы меня и не заметила: Штольц указал на меня, заразил молодое, впечатлительное сердце своим участием, явилась самолюбивая забота стряхнуть сон с ленивой души. Вот оно что! Больше тут ничего и нет! Она готова к восприятию любви, сердце её чутко и я встретился на пути нечаянно. А другой нужный явится и она с ужасом отрезвится от ошибки. Как она взглянет тогда на меня, как отвернётся... ужасно! Я похищаю чужое! Я вор! Что я делаю, что я делаю? Как я ослеп! Боже мой!

Обломов кидается к столу и пишет. Тихо входит Захар. В дверь просовывается голова Анисьи, а следом голова доктора.

ДОКТОР. Ну, как он?

АНИСЬЯ. Такого с ними ещё никогда не бывало.

ЗАХАР. Совсем наш барин плох.

ДОКТОР. Илья Ильич! Голубчик! Добрый вечер!

ПАУЗА

ДОКТОР. Господин Обломов! Илья Ильич!

ЗАХАР. Видите, доктор, какие ужасы у нас тут творятся.

ДОКТОР. И давно ли он так увлечён?

ЗАХАР. Два дня и две ночи не выходят, ни есть не просят, ни пить.

ДОКТОР. Надо было ещё вчера за мной послать.

ЗАХАР. И не прилёт ни разу, и говорит что-то, говорит, а что не разберём.

ДОКТОР. Значит, началось...

АНИСЬЯ. Ой, горе нам горе!

ДОКТОР. Очень занятный случай. Похоже на нервную горячку. Как я и предполагал...

ЗАХАР. Что же теперь будет? Барин спать должен, как же барину не спамши...

ДОКТОР. Бледноват ваш барин, бледноват от мыслей.

АНИСЬЯ. Краше в гроб кладут.

ДОКТОР. Типун тебе на язык!

АНИСЬЯ. Чего?

ЗАХАР. Того! Языком не мели!

ДОКТОР. Типун — хорошее слово. А я недавно записал ещё одну присказку: Мели, Емеля — твоя неделя! Каково?

ЗАХАР. Доктор, нам тут присказки ни к чему, нам бы барина поправить.

ДОКТОР. Захар, а ты соловьём свистеть умеешь?

ЗАХАР. Это ещё зачем?

ДОКТОР. Затем, что барин твой в себя прийти может только от романтических звуков.

ЗАХАР. Чего?

АНИСЬЯ. Я петухом могу кричать.

ЗАХАР. Уйди, курица! Доктор, какие тут петухи? Уж я и посуду бил и в сковороду колотил. Не слышит!

ДОКТОР. Илья Ильич, вы как себя чувствуете?

АНИСЬЯ. Где это видано, сидят и пишут, и пишут. Одних перьев тысячу штук исписали.

Доктор поднимает с пола скомканный лист бумаги, отходит в сторону.

ДОКТОР (*Читает*) «Что будет, моя Ольга, когда я окончательно привяжусь к тебе, когда любовь глубоко вопьётся в сердце? Худо будет мне. Очень худо! Не затем ли я отказываюсь от тебя, Ольга, что предвижу твоё счастье впереди, поэтому жертвую ему собой...» М-да... Слог высокий... «Я утешаюсь тем, что этот коротенький эпизод нашей жизни мне оставит навсегда такое чистое, благоуханное воспоминание, что одного его довольно будет, чтобы не погрузиться в прежний сон души. Прощайте, ангел, улетайте скорей. Как испуганная птичка улетаёт с ветки, где села ошибкой».

АНИСЬЯ. Это всё она - змея, барина нашего в сердце жалит.

ЗАХАР. Цыц ты, баба!

ДОКТОР. Вот она трель соловья!

Доктор читает дальше, но уже не вслух, а про себя и вдруг начинает хохотать. Анисья и Захар в страхе пятаются. Обломов оборачивается на смех.

ОБЛОМОВ. А? Что? Кто здесь?

ЗАХАР и АНИСЬЯ. (*хором*) Это мы, батюшка!

ОБЛОМОВ. Что случилось? Разве я звал?

АНИСЬЯ. Нет, батюшка, мы сами спасать тебя взяли.

ОБЛОМОВ. Подите к себе!

ДОКТОР. Здравствуйте, голубчик! С возвращением в наш дивный сад.

ОБЛОМОВ. А... доктор? А я вас совсем не заметил... Стало быть, и вы здесь?

ДОКТОР. Вы же сами просили меня к вам заглядывать.

ОБЛОМОВ. И прекрасно, и замечательно, что вы здесь. У меня к вам неотложное дело.

ДОКТОР. К вашим услугам, но вначале, голубчик, я должен вас осмотреть.

Доктор подходит к Обломову, проверяет, пульс, сердце, дыхание.

ДОКТОР. Покажите язык. Прекрасный язык.

ОБЛОМОВ. У вас ведь коляска, я знаю. Так вот поедemте сейчас вместе к Ильинским.

ДОКТОР. Давайте я вас послушаю. К баронессе собрались?

ОБЛОМОВ. Нет, к её племяннице, к Ольге.

ДОКТОР. Сердце стучит у вас очень часто.

АНИСЬЯ. Помрёт ведь наш хозяин-то! Ой, помрёт!

ДОКТОР. Зачем же к племяннице? Да ещё ночью?

ОБЛОМОВ. Вы вручите ей письмо от меня.

ДОКТОР. А что ж вы сами?

ОБЛОМОВ. Я не могу.

ДОКТОР. Вы не хотите лечь спать?

ОБЛОМОВ. Нет! Мне нельзя спать! Я должен переродиться весь! Я должен сбежать от этих проклятых подушек и перин!

ЗАХАР. Вот и подушки наши нехороши стали!

АНИСЬЯ. Ой, горе-горе! Ой, горюшко!

ДОКТОР. Советую вам немного отдохнуть, голубчик!

ОБЛОМОВ. Нет! Я не таков, каким был прежде! Захар, включи граммофон! Пусть Андрей скажет своё слово! Я обещал ему! Доктор, неужели вы думаете, что я болен?

ДОКТОР. Формально, вы абсолютно здоровы! Кровь с молоком, как говорят у вас. А что бледны, так это пустяки. Вот вам от бледности пилюли. Выпейте прямо сейчас!

Подаёт Обломову лекарство, тот машинально глотает пилюлю.

ОБЛОМОВ. Захар! Где ты там? Что медлишь?

ЗАХАР. Помилуйте, Илья Ильич! Ночь на дворе, соседей разбудим.

ДОКТОР. Вы про письмо говорили, голубчик. Так что с ним?

ОБЛОМОВ. Доктор, вам как человеку порядочному и к тому же немцу я могу сказать то, что другие не поймут.

ДОКТОР. Весьма польщён.

ОБЛОМОВ. Всё дело в том, что она моложе меня, она доверчива, а я, как будто обманываю её... Я должен быть до конца уверен в искренности наших чувств. А я не уверен! С багажом моих сомнений мне одному-то тяжело жить, а с ней вдвоём... И потом, ведь мы встречаемся скрытно, а если это будет предано огласке, то выйдет так, что я веду себя нечестно, а она не порядочно. Такое поведение общество осуждает.

ДОКТОР. Я вижу, что вы испытываете сильное мозговое напряжение. Поберегите себя, голубчик.

ОБЛОМОВ. Нет! Достаточно я себя берёг! Хватит! Сделаем так: мы подъезжаем в коляске к дому, я прячусь в кустах, а вы зовёте Ольгу и вручаете ей письмо. Она идёт по аллее, а я следую за ней и... И

потом...

ДОКТОР. Вы присядьте и рассказывайте дальше. А зачем там вы, да ещё в кустах?

ОБЛОМОВ. Мне важно видеть её лицо, ведь это письмо расставания. Она надеется, что я скоро совсем переменюсь я и сам хочу этого. Но если она будет несчастна, то на меня на одного ляжет за всё это ответственность. Я слишком люблю её чтобы... Но теперь всё! Точка! Это очень важно и очень срочно.

ДОКТОР. Отчего же вы сами не хотите вручить письмо завтра?

ОБЛОМОВ. Сегодня! Сейчас! Теперь или никогда! Теперь или никогда!

Обломов засыпает.

ДОКТОР. Точно не теперь.

ЗАХАР. Кажется, уснул.

АНИСЬЯ. Жил себе человек спокойно, а тут такая напасть...

ДОКТОР. Я дал ему снотворное. Несколько часов он будет спать.

АНИСЬЯ. А что же с письмом теперь делать?

ДОКТОР. Я поеду к баронессе и передам письмо её племяннице. Хочется своими глазами увидеть эту сильную женщину. О, эти русские женщины! Они знают, как надо.... Очень хорошая присказка, сейчас вспомню... Да, вот так: Они знают как надо вить верёвки из мужчин!

ЗАХАР. Ваша правда, господин доктор!

ПЯТНАДЦАТАЯ КАРТИНА

«Эгоист»

ОЛЬГА. Оставьте меня, уйдите! Зачем вы пришли? Не затем ли, чтобы посмотреть, как я буду плакать?

ОБЛОМОВ. Ольга, я был в горячке, я писал, не помня себя.

ОЛЬГА. Если б вы хотели искренно того, о чём вы пишете, если б были убеждены, что надо расстаться, вы бы уехали за границу, не повидавшись со мной.

ОБЛОМОВ. Что сделать мне, чтобы не было этих слёз?

ОЛЬГА. Вы не так сильны, чтобы остановить мои слёзы! Да, вчера вам нужно было моё люблю,

сегодня понадобились слёзы, а завтра, может быть, вы захотите видеть, как я умираю?

ОБЛОМОВ. Ольга, можно ли так обижать меня? Ужели ты не веришь, что я отдал бы теперь полжизни, чтоб услышать твой смех и не видеть слёз.

ОЛЬГА. У вас нет сердца. Смотрите, как я плачу! Наслаждайтесь!

ОБЛОМОВ. Я и так дурно спал, Ольга, пожалей меня...

ОЛЬГА. И вам жаль стало, что я спала хорошо? Так что ли?

ОБЛОМОВ. Что же мне делать? Просить прощения?

ОЛЬГА. Вы боитесь "упасть на дно бездны" так вы пишете. Вас пугает будущая обида, что я разлюблю вас. "Мне будет худо", пишете вы... Но ведь если я полюблю кого-нибудь другого, то я буду счастлива! Вы что боитесь моего счастья?

ОБЛОМОВ. Вон какая вышла логика? Но я ведь из другого исходил. Я...

ОЛЬГА. Я не боюсь за свои будущие слёзы. Горе это будет или счастье мне не известно. И никто этого не знает. А вы видите только мрачное впереди. Значит, то, что считаете за свою любовь ко мне и не любовь вовсе, а...

ОБЛОМОВ. Эгоизм! Я, по-твоему, эгоист?

ОЛЬГА. А теперь идите. Вы, наверное, от меня невероятно устали и вам надо прилечь на диване, чтобы не упасть в бездну.

ОБЛОМОВ. Ольга, я не знаю, как это объяснить! Я списываю всё на свою мнительность. Пусть будет всё по-вчерашнему, я не буду больше бояться ошибок.

ОЛЬГА. Сирени отошли, пропали... Вон, видите, какие остались: поблеклые...

ОБЛОМОВ. Ольга! Теперь я ясно понимаю, что письмо было вовсе не нужно...

ОЛЬГА. Неправда! Оно было необходимо, потому что вы не спали ночь, писали всё для меня: я тоже эгоистка!

ОБЛОМОВ. Тогда за что меня упрекать?

ОЛЬГА. Мало того, то вы эгоист, вы ещё и мазохист: выдумали для себя мучения и наслаждаетесь ими. Но когда-то этому надо положить конец!

ОБЛОМОВ. Да-да, верно. Нужно действовать разумно. Разумно!

ОЛЬГА. Впрочем, меня утешает то, что в письме вашем играет мысль, горячее чувство... вы жили эту ночь и утро не по-своему, жили так, как хотел ваш друг и я. В письме вашем видна боязнь за моё счастье, ваш такт, ваша чистая совесть... всё, то, о чём мне о вас много говорил Андрей Иванович, за что я забываю вашу лень и апатию, за что я люблю вас...

ОБЛОМОВ. Ольга, ты прощаешь меня?

ОЛЬГА. Возможно...

ОБЛОМОВ. Ольга, ты лучше всех женщин в мире! Ради бога один поцелуй в залог невыразимого счастья!

ОЛЬГА. Нет! Не подходите!

ОБЛОМОВ. Прости, Ольга! Прости, потому что... я хочу сказать, то о чём думаю каждую секунду, на что решился сейчас и вот...

ОЛЬГА. Ты что-то задумал новое?

ОБЛОМОВ. Нет!

ОЛЬГА. Нет?

ОБЛОМОВ. Подожди, не перебивай меня!

ОЛЬГА. Новое затруднение?

ОБЛОМОВ. Нет! Нет!

ОЛЬГА. Да, скажите же, наконец, что-нибудь!

ОБЛОМОВ. Ольга, будь моей женой!

ПАУЗА

ОБЛОМОВ. Молчание?

ОЛЬГА. Знак согласия!

ОБЛОМОВ. Я счастлив! Я невыразимо счастлив! А ты? Что думаешь, что чувствуешь сейчас? Ты покойна? Ты доверяешься мне всей душой?

ОЛЬГА. Я счастлива! Я счастлива, как может быть счастлива любая женщина!

ОБЛОМОВ. Правда?

ОЛЬГА. Ты сумасшедший, но это пройдёт. Ты думаешь, что я, не поняв тебя, была бы здесь с тобой одна, слушала и доверялась тебе?

ОБЛОМОВ. Я сейчас же пойду к тетушке и всё ей объясню! Идём!

ОЛЬГА. Нет, Илья! Нет! Так нельзя. Никому ни слова! Ещё не пора!

ОБЛОМОВ. Но почему же? Ведь я хочу сделать первый шаг.

ОЛЬГА. Это последний шаг.

ОБЛОМОВ. Какой же первый?

ОЛЬГА. Первый идти в казённую палату, ведь тебе надо какую-то бумагу писать на предмет своего

поместья.

ОБЛОМОВ. Да я завтра же...

ОЛЬГА. Отчего же не сегодня?

ОБЛОМОВ. Сегодня... сегодня такой день, и уйти от тебя, Ольга!

ОЛЬГА. Ну, хорошо, завтра. А потом?

ОБЛОМОВ. Потом - сказать тётке, известить Штольца, начать приготовления.

ОЛЬГА. Нет, потом поехать в Обломовку. Ведь Андрей писал, что надо делать в деревне: я не знаю какие там у вас дела, постройка что ли?

ОБЛОМОВ. Боже мой, но деревня подождёт, и потом мы поедем туда вместе...

ОЛЬГА. А куда мы приедем? Есть там дом?

ОБЛОМОВ. Старый дом плох, но... Квартиру в городе следует приискать.

ОЛЬГА. Вот это второй шаг.

ОБЛОМОВ. Потом...

ОЛЬГА. Илья, ты прежде шагни два раза, а там...

ОБЛОМОВ. Хорошо, я доверяюсь во всём тебе. Это самое важное, иначе меня вновь захлестнут чувства. Надо действовать разумно. Ты словно Андрей в такие минуты, тоже торопишься жить. Скажи, ты теперь совсем не сердишься на меня за письмо?

ОЛЬГА. Своим странным поступком, этим отказом, ты меня испугал... Вот послушай, как до сих пор бьётся моё сердце. Дай руку. Мне теснит грудь, мне почти больно. Но я вижу, что это просто плод нерешительности! И только! Но всё позади теперь! Я хочу петь! Я хочу петь для тебя и видеть твои глаза.

Реклама № 6

ШЕСТНАДЦАТАЯ КАРТИН

«Развели мосты»

В доме у новой хозяйки, посреди комнаты на мольберте стоит живописная картина, на которой изображён план нового дома и новой усадьбы Ильи Ильича. Захар и Анисья благоговейно слушают лекцию барина.

ОБЛОМОВ. Вот ты спрашиваешь, Захар, когда начнутся работы по ремонту родительского дома. Ответственно тебе заявляю, что нынешней весной всё пойдет по-новому, работы я намерен контролировать сам.

ЗАХАР. Ваш батюшка вот так же, бывало, соберёт нас всех в людской и про все дела расскажет, ничего не упустит.

ОБЛОМОВ. Мои люди должны понимать, что их ждёт впереди.

АНИСЬЯ. До слёз вы нас доводите усердием своим, батюшка.

ОБЛОМОВ. Ну, полно. Это доля уготована мне свыше: вас опекать. Так вот я продолжу. Конечно, в начала я займусь коренными статьями всего хозяйства: тут тебе и оброк, запашка, может быть, возьму для своего хозяйства какую-нибудь новую меру. Чтоб мужикам послабление дать.

ЗАХАР. Мужикам послабление давать нельзя, разбалуются.

ОБЛОМОВ. Теперь о доме. Расположение комнат будет такое: в первом этаже шесть комнат и гостиная, столовая, обязательно биллиардная. Окнами мой кабинет будет обращён в сад. Мебель французская, ковры персидские в светлых тонах. Флигеля дома по количеству гостей построю, полагаю, что их, флигелей, должно быть не менее пяти. Конюшня здесь, сараи здесь, людские вот тут.

ЗАХАР. А матушка ваша очень сад любила, теперь он поди совсем захирел.

ОБЛОМОВ. В саду оставлю все старые липовые и дубовые деревья, так как они есть, а яблони и груши уничтожим и на их место посадим акацию и сирень. Непременно — сирень! Парк слишком затратен и его пока разбить не удастся в должном виде. Но очень надобны цветники и оранжереи. Их будет четыре. И пруд, непременно будет пруд. Рыбу я разведу сам. Каково?

АНИСЬЯ. Прямо рай и будет там в Обломовке. Рай - да и только!

ОБЛОМОВ. Вот что, Анисья, ты иди разыщи сейчас мне портрет Штольца, а то он при переезде затерялся.

Анисья уходит.

ОБЛОМОВ. Что мосты через Неву уже навели?

ЗАХАР. Пока лёд не встанет переправу не наведут. Сказывали, что ещё пару дней надо. Придётся подождать, Природа! С ней спорить кто может?

ОБЛОМОВ. Сходи сегодня на берег и узнай, когда мосты наведут.

ЗАХАР. От Ильинской барышни уже два раза гонцы были: девку присылали и кучера про ваше здоровье справиться. А я говорю им всем, что, мол, барин болен.

ОБЛОМОВ. Хорошо, как только известие из деревни придёт, я сам поеду и объяснюсь. Какой славный кофе! Кто это варит?

ЗАХАР. Наша новая хозяйка.

ОБЛОМОВ. Славный. Поблагодари её, Захар.

Захар отворяет дверь в соседнюю комнату и тихо подглядывает, увлекая на это дело и своего барина.

ЗАХАР. В этом новом доме всё порядочно. У них тут прямо по соседству с нашими комнатами буфет что ли. Сама Агафья Матвеевна тут и работает, здесь у них и чай, и сахар, и кофе.

ОБЛОМОВ. Вижу, вижу. Что ж она так локтями славно ворочает?

ЗАХАР. Кто ж его знает. Кружева что ли наглаживает.

ОБЛОМОВ. Чиновница, а локти хоть бы графине какой-нибудь, ещё и с ямочками.

ЗАХАР. Пирогом сегодня нас с Анисьей потчевала.

ОБЛОМОВ. И хорош видно пирог?

ЗАХАР. С луком да с морковью. Пирог не хуже наших обломовских.

ЗАХАР. Очень видная женщина и добра, как десять ангелов.

ОБЛОМОВ. И держит себя чисто и дом весь в чистоте.

ЗАХАР. Так и вспомнишь наше старое житьё - бытьё в Обломовке при родителях ваших, царство им небесное! Так что же, Илья Ильич, остаёмся ли мы в этой новой квартире совсем? Посуда, одежда, сундуки - всё ещё в чулане здесь горой стоит. Разбирать или нет?

ОБЛОМОВ. Погоди. Может, мы здесь не задержимся надолго. Я всё письма жду из деревни. Выправил доверенность, чтобы заложить деревню, ведь у меня расходы теперь большие грядут.

ЗАХАР. Стало быть, свадьба - то после рождества будет?

ОБЛОМОВ. Какая свадьба?

ЗАХАР. Известно какая: ваша! Ведь вы женитесь?

ОБЛОМОВ. Я женюсь? На ком?

ЗАХАР. На Ильинской барышне.

ОБЛОМОВ. Что ты несчастный? Кто внушил тебе эту мысль?

ЗАХАР. Кто? Люди Ильинские ещё на даче сказывали.

ОБЛОМОВ. Ц-сс! Ни слова больше!

ЗАХАР. Разве я выдумал?

ОБЛОМОВ. Ни слова! Понимаешь ли ты, что досужие разговоры по кухням да по лакейским - это неприлично. Ольге Сергеевне не сделано ещё никакого предложения.

ЗАХАР. Что ж мы не понимаем? Мы понимаем, так ведь людям на рот платок-то не накинешь.

ОБЛОМОВ. Как ты мог забрать такую нелепость к себе в голову?

ЗАХАР. Я не забирал. Ильинские люди сами сказывали.

ОБЛОМОВ. А им кто сказывал?

ЗАХАР. Я почём знаю? Катя сказала Семёну, Семён Никите, Никита Василисе, Василиса Анисье, а Анисья мне.

ОБЛОМОВ. Боже мой! Все судачат о нас. Все! Когда об решении нашем ещё не объявлено публично. Так вот знай, Захар, - всё это вздор, нелепость, клевета! Этого быть не может!

ЗАХАР. Отчего же не может быть? Дело обыкновенное - свадьба. Не вы один, все женятся.

ОБЛОМОВ. Захар, поди сюда!

ЗАХАР. Ну, чего вам?

ОБЛОМОВ. Поди ближе.

ПАУЗА

ОБЛОМОВ. Ты мастер равнять меня с другими! А что такое свадьба знаешь? Свадьба - это когда человек перестаёт называться Ильёй Ильичом, а называется "жених". Вчера на него и смотреть никто не хотел, а нынче все глаза пучат, как на шельму какую-нибудь. Ни в театре, ни на улице прохода не дадут. "Вот, вот жених!" - шепчут все

ЗАХАР. Идти, что ли мне?

ОБЛОМОВ. Нет, ты постой. Ты мастер распускать фальшивые слухи, так узнай почему они фальшивые.

ЗАХАР. Что мне узнавать? Теперь ясно, что всё это брехня.

ОБЛОМОВ. Ты забыл, сколько беготни, суматохи у жениха и у невесты. А кто у меня, ты, что ли, будешь бегать по портным, по сапожникам, к мебельщику? Один я не разорвусь на все стороны. Все в городе узнают. "Обломов жениться - вы слышали?" - "Ужели? На ком? Кто такая? Когда свадьба?". Только и разговора! Да я измучусь, слягу от одного этого, а ты выдумал: свадьба!

ЗАХАР. Позвать, что ли, Анисью?

ОБЛОМОВ. Зачем Анисью? Ты, а не Анисья, допустил это необдуманное предположение. А издержки какие? А деньги где?

ЗАХАР. Не знаю, батюшка.

ОБЛОМОВ. А квартира приличная где? А экипаж? А повар?

ЗАХАР. Как же с тремястами душ женятся другие?

ОБЛОМОВ. Ты опять "другие"? Ольга Сергеевна разве на рынок сама пойдёт?

ЗАХАР. На рынок-то и я схожу. Ей гимнастику подавай и купание.

ОБЛОМОВ. Ты знаешь, сколько доходов с Обломовки получаем? Слышал, что староста пишет? Дорогу строить в Обломовке надо, школы заводить, дома нового пока ещё нет, всё только в плане. Разве я только что тебе не рассказывал?

ЗАХАР. Рассказывали.

ОБЛОМОВ. Какая же свадьба? Что ты выдумал?

ПАУЗА

ОБЛОМОВ. Что остолбенел-то?

ЗАХАР. Ведь вы велели стоять.

ОБЛОМОВ. Смотри же, чуть услышишь, заговорят об этом, спросят - скажи: это вздор, никогда не было и быть не может!

ЗАХАР. Слушаю.

ОБЛОМОВ. Распускать клевету про барина! Вот тебя и вся благодарность!

ЗАХАР. Не томите меня жалкими словами, а лучше запытайте Анисью, она всё знает.

ОБЛОМОВ. Давай сюда Анисью.

Захар быстро удаляется, появляется Анисья.

ОБЛОМОВ. А ну, скажи, Анисья, слышала ли ты что про свадьбу мою, или про Ольгу Сергеевну какие новости?

АНИСЬЯ. Вот побожиться сейчас не грех, даже образ могу со стены снять, что в первый раз слышу о свадьбе вашей, а вот что барон сватался к Ольге Сергеевне, то слышала ясно.

ОБЛОМОВ. Как барон? Какой ещё барон? Ты с ума сошла что ли?

АНИСЬЯ. Этот барон к их тётке часто ездит. Правда, что он совсем старик. Еле ходит и дышать не может совсем. А и то, небось, всё вздор, батюшка. Эта Катя сказала Никите, а Никита переврал Марфе, а Марфа, та совсем из ума вышла ещё в прошлом годе, об этом -то все знают.

ОБЛОМОВ. Вот дураки окаянные! Слышали звон да не знают где он.

АНИСЬЯ. Истинно! А мне ещё ихняя Ильинская Василиса сказывала, что барышня и не думает замуж идти, что в доме и приданного нет, а на той неделе даже заложили оне всё своё серебро. Вот что твориться в том доме.

ОБЛОМОВ. Что ж, у них, выходит, денег нет? Уж не болтаешь ли ты здесь пустяков?

АНИСЬЯ. Я и в мыслях не думаю болтать. Вот перед господом богом, сквозь землю провалиться! Я понимаю тебя, батюшка! Как это можно теперь? Какая тут свадьба! Дом не готов, квартиры нет, в заграницу ехать надо. И во сне тут свадьба не пригрезится. А сама я ни с кем не говорю, тихо на кухне сижу. Да и барышни этой Ильинской я лицо совсем забыла. Знать её не знаю совсем.

ОБЛОМОВ. Ну, хорошо, коли так.

АНИСЬЯ. Так, так, именно так! Как можно говорить, чего нет? А что Никита сказал, так для дураков закон не писан. Мне самой и в голову-то не придёт сочинить такое: день-деньской маешься, маешься - до того ли? *(Уходит)*

ОБЛОМОВ. Счастье, счастье! Как ты хрупко, как не надёжно! Любовь, любовь! А деньги где? А жить чем?

СЕМНАДЦАТАЯ КАРТИНА

«Хозяйка»

ЗАХАР. Тут, Илья Ильич, Агафья Матвеевна к вам с известием.

ОБЛОМОВ. Проси.

АГАФЬЯ МАТВЕЕВНА. *(Появляется с двумя пирамидами чулок)*. Вот, Илья Ильич, я разобрала сегодня ваши чулки, пятьдесят пар, да почти все худые, надо бы надвязать.

ОБЛОМОВ. Что вы беспокоитесь, Агафья Матвеевна? Мне, право, совестно.

АГАФЬЯ МАТВЕЕВНА. Ничего, наше дело хозяйское: у вас ведь некому разбирать, а мне в охотку.

ОБЛОМОВ. Да уж, слуги мои того... нерасторопны. Сядьте, пожалуйста, чего вы стоите. И бросьте эту чулки, я прикажу новые купить.

АГАФЬЯ МАТВЕЕВНА. Спасибо за приглашение. Только некогда, сегодня стирка у нас.

ОБЛОМОВ. Вы чудо, а не хозяйка.

АГАФЬЯ МАТВЕЕВНА. Так чулки-то надвязать всё ж таки следует, Илья Ильич.

ОБЛОМОВ. Если вы так добры, то сделайте одолжение, только мне, право, совестно, что вы обо мне хлопочете.

АГАФЬЯ МАТВЕЕВНА. Нам привычно. Ведь в моём хозяйстве всегда всё по-домашнему. Как челнок – туда-сюда, руки да ноги мои все в движении.

ОБЛОМОВ. Вот она какая у вас гимнастика!

АГАФЬЯ МАТВЕЕВНА. Что вы говорите?

ОБЛОМОВ. Я говорю, вот он - русский вариант: женщина в доме на своём хозяйстве. Очень благодарен вам и в долгу не останусь. Куда же вы торопитесь? Посидите, я не занят.

АГАФЬЯ МАТВЕЕВНА. В другое время, а сейчас заботы. А вы к нам, милости просим, кофе кушать.

ОБЛОМОВ. Не смею задерживать. А кофе ваше славное, очень славное! Матушка моя так заваривала.

АГАФЬЯ МАТВЕЕВНА. Ещё я халат ваш достала из чулана, его можно починить и вымыть: материя такая чудная. Он долго прослужит.

ОБЛОМОВ. Напрасно! Напрасно! Ведь я его не ношу больше. Он мне больше не нужен! Ей богу!

АГАФЬЯ МАТВЕЕВНА. Раз уж я взялась, так я его не брошу. Может быть, когда и наденете ещё... к примеру, к свадьбе.

ОБЛОМОВ. К свадьбе? К какой свадьбе?

Входит Захар.

ЗАХАР. Письмо принесли, Илья Ильич! Читать будете или я его пока спрячу.

ОБЛОМОВ. Подай сюда.

АГАФЬЯ МАТВЕЕВНА. Я, пожалуй, пойду.

ОБЛОМОВ. Нет, вы уж не уходите. Суеверие моё таково, что вдруг там новости плохие, так мне помощь понадобится может, а от вас так теплом и доброжелательством веет что...

Читает письмо и постепенно приходит в полное расстройство.

ОБЛОМОВ. Вот! Вот! Вот! Словно чуяло моё сердце беду!

АГАФЬЯ МАТВЕЕВНА. А вы и не дочитывайте, Илья Ильич, до конца! И бросьте вы его! А после обеда вновь возьмёте с другим настроением!

ОБЛОМОВ. Эх, Агафья Матвеевна... Что же мне теперь... Я в полное расстройство прихожу... Все планы мои насмарку!

АГАФЬЯ МАТВЕЕВНА. Ничего, всё перемелется, да и будет мука. А если там какие дела неважные, так советчик вам хороший нужен, деловой человек.

ОБЛОМОВ. Да! Именно! Простите, Агафья Матвеевна, ваш братец дома? Он сейчас бы мне очень пригодился.

АГАФЬЯ МАТВЕЕВНА. А он уже вас дожидался, насчёт договора. Я ему скажу, чтобы немедля к вам спустился.

ОБЛОМОВ. Ещё и мостов не навели, а всё изменилось, всё изменилось...

Хозяйка выходит и почти сразу является Иван Матвеевич.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Добрый вечер.

ОБЛОМОВ. Добрый вечер. Садитесь, Иван Матвеевич, у меня к вам разговор.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Если вы о договоре беспокоитесь, то...

ОБЛОМОВ. Нет, нет. Здесь другое. Очень совет ваш нужен, так как вы человек практичный и опытный. И Тарантьев, мой земляк, мне вас рекомендовал, и сестра ваша говорила о вас.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. К вашим услугам.

ОБЛОМОВ. Только что я получил очень неприятное письмо из деревни. Вот послушайте, что пишет

мне мой сосед, которому я доверил своё имение: «Прошу покорно передать доверенность другому лицу, сам не могу присматривать за вашим имением, оттого что дела ваши плохи. И о закладной на ваше имение не может быть и речи, пока сами лично не выправите все дела. Имение запущено, прежде всего надо аккуратнее распределить барщину и оброк. Мужики избалованы без барина, старосты нового не слушают. Оттого и количество дохода точно определить нельзя. Хлеб был нынче хорош, но без вашего глаза продадут его вряд ли за хорошие деньги. Доход ваш при таких делах едва ли перевалит за три тысячи рублей. А дом ваш очень плох, едва держится и ждёт ремонта.

ОБЛОМОВ. Поспешайте. Кстати, у нас здесь теперь выборы: не пожелали бы вы баллотироваться в уездные судьи?» Слышите ли вы какой ужас?

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Да-с...

ОБЛОМОВ. Как вы полагаете, что теперь делать? Мне очень деньги нужны, решается моя судьба.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Они советуют вам ехать туда. Через неделю дорога установится, вот и съездили бы.

ОБЛОМОВ. Я отвык совсем ездить, да ещё зимой, мне бы трудно было, не хотелось бы...

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. А у вас много оброчных?

ОБЛОМОВ. Не знаю, давно в деревне не был.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Надо знать. Без этого как же-с? А сколько оброку?

ОБЛОМОВ. Верно, не скажу, не знаю...

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. А мужики ваши каковы? Богатые или разорены? Барщина-то какова?

ОБЛОМОВ. Послушайте, я не знаю, что такое барщина, что такое сельский труд, что значит бедный мужик, что значит богатый; как и когда продают рожь не знаю, я ничего не знаю! Следовательно, говорите и советуйте мне, как ребёнку.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Как же-с... надо бы знать. Помещик должен знать...

ОБЛОМОВ. А я не знаю! Научите, если можете!

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Я сам не занимался этим предметом, надо посоветоваться со знающими людьми. В письме вам пишут, чтоб вы послужили по выборам. Пожили бы в деревне, послужили бы в уездном суде и узнали бы между тем временем и хозяйство.

ОБЛОМОВ. Я не знаю, что такое уездный суд, что в нём делают, как служат.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Привыкнете-с. Вы ведь служили здесь в департаменте. Везде предписания, протоколы. Был бы хороший секретарь, а вам только подпись ставить.

ОБЛОМОВ. Я не знаю, как эти дела делаются.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Изволили же чем-нибудь заниматься, нельзя чтоб...

ОБЛОМОВ. Можно, Иван Матвеевич, вот вам живое доказательство - я! Кто же я? Что я такое? Подите спросите у Захара и он скажет вам: "Барин!". Да, я барин и делать ничего не умею! Делайте вы, если знаете, и помогите, если можете, а за труд возьмите себе, что хотите, - на то и наука

ПАУЗА

ОБЛОМОВ. Простите за резкость, я очень расстроен. Где вы учились?

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Начал было в гимназии, да из шестого класса взял меня отец и определил в правление. Читать, писать, считать умею... Ваше дело другое, вы ведь все науки изучали.

ОБЛОМОВ. Мне сказали, что науки пригодятся мне со временем, разве под старость, а прежде надо выйти в чины, а для этого нужна одна наука - писать бумаги. Вот я их и писал, да тошно стало - ушёл и сделался просто барином. А вы вот к писанине приспособились, ну так и решите же, как тут изворотиться в моём деле.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Можно поручить это всё знающему человеку и доверенность на него перевести.

ОБЛОМОВ. А где же взять такого человека?

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. У меня такой есть сослуживец, честнейшая душа, не извольте беспокоиться.

ОБЛОМОВ. Как же он поедет, если служит?

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Отпуск возьмёт. А вы ему вознаграждение.

ОБЛОМОВ. Ну что ж, так и порешим. Я очень вам благодарен. Приходите завтра с другом своим ко мне обедать, и мы всё обсудим.

ОБЛОМОВ. И вот ещё что. По обстоятельствам я должен буду приискать себе постоянную квартиру, а эту буду передавать другому жильцу.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Это, как угодно, но вам придётся заплатить за весь срок проживания по контракту. Вот здесь расчёт, так вы посмотрите и подумайте не в убыток ли вам будет менять квартиру. К сему и договор наш прилагаю.

ОБЛОМОВ. Я, конечно, посмотрю.

ИВАН МАТВЕЕВИЧ. Разрешите откланяться. (*Уходит*)

АГАФЬЯ МАТВЕЕВНА. Как мне помочь вам хочется. Как я вас понимаю. Вам ведь в вашем положении ни должно этого ничего делать. И беспокоится вам очень вредно.

ОБЛОМОВ. Брат ваш понятливый и строгий человек. Это хорошо.

АГАФЬЯ МАТВЕЕВНА. Брату верьте. Он чтит уважаемых людей. А о вас самого высокого мнения. Ведь вы человек особого склада. Вам беспокойство не к лицу. Есть такие, кто в суете живёт, но это не вы. Ваша участь — покой.

ОБЛОМОВ. Я весьма тронут, вашим участием. Вы первая, кто так ясно представляет всё обо мне.

Позвольте вашу ручку поцеловать.

АГАФЬЯ МАТВЕЕВНА. Ну, что вы... мы ведь без привычки.

ОБЛОМОВ. Вот и привыкайте. Какие у вас руки!

АГАФЬЯ МАТВЕЕВНА. Я вам сейчас ещё кофе принесу. (*Уходит*)

ОБЛОМОВ. Благодарю. Вот и всё! Вот и всё!

АГАФЬЯ МАТВЕЕВНА. Что вы сказали?

ОБЛОМОВ. Это я не вам. Не вам...

Агафья Матвеевна уходит. Обломов рассматривает счёт.

ОБЛОМОВ. За квартиру восемьсот рублей? Да неужели я должен платить за весь год, когда и двух недель не прожил? А что же в контракте? Так и есть? Но когда же я это подписал? Захар!

Обломов достаёт бумажник, пересчитывает деньги.

ОБЛОМОВ. Всего триста рублей. Но куда же я дел деньги? Захар! Недавно была тысяча, а тут... Захар!

ЗАХАР. Чего изволите?

ОБЛОМОВ. Куда это у нас деньги вышли? Ведь денег-то нет у нас.

ЗАХАР. (*Достаёт из кармана пятак и кладёт на стол*). Вот, забыл отдать, от перевозки осталось.

ОБЛОМОВ. Что ты мне мелочь суешь? Ты скажи куда восемьсот рублей делось?

ЗАХАР. Почем я знаю?

ОБЛОМОВ. Почему ты не записываешь ничего? Худо жить безграмотным!

ЗАХАР. Прожил век без грамоты, не хуже других.

ОБЛОМОВ. Правду говорит Штольц, что надо для таких как ты завести школу в деревне!

ЗАХАР. Грамотные оне все серебро из буфетов тащат. А я не таков!

ОБЛОМОВ. Но куда же вышли деньги? На извозчиков, на переезд? Ещё куда?

ВОСЕМНАДЦАТАЯ КАРТИНА

«Разрыв».

Парк, беседка.

АНИСЬЯ. Там, Илья Ильич, барышня Ильинская пришла. Вас ждут.

ОБЛОМОВ. Что?

АНИСЬЯ. Ей богу, правда: в наёмной карете сидят, сюда хотят.

ОБЛОМОВ. Немедленно с Захаром ступайте на рынок.

АНИСЬЯ. Нам туда зачем? К обеду всё куплено.

ОБЛОМОВ. Молчать и слушать! Купите хоть... спаржи.

АНИСЬЯ. Какая, батюшка, нынче спаржа?

ОБЛОМОВ. Марш! Раньше двух часов и носа не показывайте!

Анисья уходит. Входит Ольга.

ОЛЬГА. Ты здоров уже? Не лежишь? Что с тобой?

ОБЛОМОВ. Теперь мне лучше. А был совсем плох, болел очень. Я ведь тебе писал. Как же ты, Ольга, решилась на такой поступок? Ты знаешь ли, что могут подумать о нас с тобой?

ОЛЬГА. Нет, ты не был болен, у тебя не болело горло...

ОБЛОМОВ. Не был.

ОЛЬГА. Обманул меня! Зачем?

ОБЛОМОВ. Я всё объясню. Я боялся толков, сплетней.

ОЛЬГА. А не боялся, что я не спала ночей, бог знает что передумала и чуть не слегла в постель?

ОБЛОМОВ. Я весь в тревоге, как в огне. О нас с тобой слишком далеко распространились слухи, даже слуги уже судачат о нашей свадьбе! Понимаешь ли ты что это такое?!

ОЛЬГА. Но ведь мы сказали друг другу о любви и решили на этой неделе объявить все моей тетушке. Разве не так? Тогда и все слухи улягутся сами собой. И разве они неосновательны? Ведь это правда?

ОБЛОМОВ. Правда.

ОЛЬГА. Ты так это говоришь... Тут есть какая-то ложь... Что всё это значит? У тебя нехорошо: низкие комнаты, старые обои. Что же ты делал здесь эти две недели без меня?

ОБЛОМОВ. Читал, писал, занимался делами, думал о тебе.

ОЛЬГА. Нет, ты не читал и не писал. Вот мои книги, они все в пыли.

ОБЛОМОВ. Верно, не читал. Мы ведь недавно сюда переехали, и ещё болезнь...

ОЛЬГА. Ты спал после обеда?

ПАУЗА

ОЛЬГА. Зачем же?

ОБЛОМОВ. Чтоб не замечать времени: тебя не было со мной и жизнь скучна, несносна без тебя...

ОЛЬГА. Илья, помнишь в парке, ты говорил, что я цель твоей жизни, твой идеал?

ОБЛОМОВ. Да разве это можно забыть? Ведь это перевернуло всю мою жизнь!

ОЛЬГА. Ты обманул меня, и ты опять опускаешься.

ОБЛОМОВ. Ты сомневаешься в моей любви? Если надо умереть за тебя, я умру.

ОЛЬГА. Зачем это? Ты сделай то, что нужно. Это уловка лукавых людей предлагать жертвы, которые не нужны, чтоб не приносить жертв нужных. Зачем ты пугаешь меня своей нерешительностью?

ОБЛОМОВ. Ты думаешь, что я смогу обмануть тебя? Ведь я воскрес с тобой, от тебя загорелась моя новая жизнь. Я чувствую, что живу, когда ты рядом со мной, когда ты говоришь, поёшь. А без тебя я гасну и падаю. Вот в чём дело!

ОЛЬГА. Ты не говоришь мне правды, Илья. Что случилось? Что с тобой?

ОБЛОМОВ. Я не мог встречаться с тобой. Я решил всё хорошенько взвесить, ждал ответа из деревни. Мне ведь нужна закладная. И сегодня - таки получил письмо. Дела мои плохи. Я сегодня советовался с братом хозяйки, и он рекомендует мне поверенного, я поручу ему заняться моими делами. Ах, Андрея здесь нет, он бы все дела мои уладил! Я не могу ехать сам, ничего в этих делах не смыслю. да и разлуки с тобой не вынесу.

ОЛЬГА. И что же всё это теперь значит?

ОБЛОМОВ. Как только поверенный мои дела устроит, оформит закладную, привезёт деньги... всё это кончится в какой-нибудь год... тогда и объявим всё твоей тетушке.

ОЛЬГА. Что ты сказал? Год? Целый год?

Ольга падает в обморок.

ОБЛОМОВ. Ольга, что с тобой? Тебе дурно? Вот здесь вода! Не огорчайся так. Хорошо, я ведь всё могу переиначить, я могу и Штольцу написать, он денег мне даст и потом приедет сам и всё устроит в Обломовке... Да я сегодня же объявлю себя женихом! Ольга! Только не умирай!

Обломов суется, наливает воду в стакан. Роняет стакан.

ОЛЬГА. С чего ты решил, что я умираю? Я не умираю. Не надо воды, спасибо. Мне уже лучше. Я спокойна, я абсолютно спокойна.

Ольга садится и делает дыхательную гимнастику.

ОБЛОМОВ. В самом деле? Ты так смотришь на меня. Мне страшно... Ты не ненавидишь меня?

ОЛЬГА. Я абсолютно спокойна. За что я должна тебя ненавидеть?

ОБЛОМОВ. За всё, что я сделал с тобой.

ОЛЬГА. Что ты сделал?

ОБЛОМОВ. Любил тебя так... беспомощно...

ОЛЬГА. И что?

ОБЛОМОВ. Ведь это оскорбление.

ОЛЬГА. Я спокойна, я абсолютно спокойна... И что же теперь?

ПАУЗА

ОБЛОМОВ. Может быть, ты простишь меня, если вспомнишь, что я предупреждал, как тебе будет стыдно, как ты станешь раскаиваться...

ОЛЬГА. Я не раскаиваюсь, но мне так больно, так больно... *(Плачет)*

ОБЛОМОВ. О, боже мой! Что я натворил!

Обломов падает в обморок.

ОЛЬГА. Илья! Что с тобой! Тебе плохо?

Ольга суетится, обмакивает свой платок водой и кладёт на лоб Обломова.

ОБЛОМОВ. Прости, Ольга! Да, мне худо, хуже чем тебе,

ОЛЬГА. Что?

ОБЛОМОВ. Хуже, но я стою того. Я виноват во всём! Я думал... Я хотел...

ОЛЬГА. Нет, это моя вина! За гордость я наказана, я слишком понадеялась на свои силы - вот в чём я ошиблась, а не в том, что ты боялся. Я думала, что я оживлю тебя, что ты можешь ещё жить для меня, - а ты уж давно умер. Я не предвидела этой ошибки, а всё ждала и надеялась... и вот! Камень ожил бы от того, что я сделала. Но ты не такой. Всё бесполезно - ты умер.

ОБЛОМОВ. Да, это правда. Но, может быть, через год...

ОЛЬГА. Ужели ты думаешь, что через год ты устроил бы все свои дела и жизнь? Подумай, Обломов! Если ты скажешь, что сможешь быть другим, таким, каким я хочу тебя видеть, то вот тебе моя рука и пойдём куда хочешь, за границу, в деревню. Мы можем сесть на велосипеды и убежать от всех!

ПАУЗА

ОБЛОМОВ. Если б ты знала, как я тебя люблю...

ОЛЬГА. Я жду не уверений в любви, а короткого ответа.

ОБЛОМОВ. Не мучь меня, Ольга!

ОЛЬГА. Илья, права я или нет?

ОБЛОМОВ. Да, ты права.

ОЛЬГА. Если б ты и женился, что потом?

ОБЛОМОВ. Стало быть... прости!

Ольга плачет навзрыд.

ОЛЬГА. Прощай! Прощай!

ОБЛОМОВ. Не плачь! Возьми меня, как я есть, люби во мне, что есть хорошего.

ОЛЬГА. Нет! Нет! Я сейчас выплачу всё, а потом не стану. Мне больно! Ах, как больно! Я любила будущего Обломова. Ты кроток, ты нежен, но боишься отдаться чувству, броситься с головой в бурную жизнь и плыть, преодолевая все течения.

ОБЛОМОВ. Да я скуден, жалок, беспомощен, нищ... бейте, бейте меня!

ОЛЬГА. Прости меня! А теперь я уйду, мне ещё дорого прошедшее. Отчего погибло всё? Кто проклял тебя, Илья? ты добр, умён, благороден ... и гибнешь. Что сгубило тебя? Нет имени этому злу...

ОБЛОМОВ. Есть. Обломовщина.

РЕКЛАМА № 7

ДЕВЯТНАДЦАТАЯ КАРТИНА

«Старый халат»

Обломов в халате, хозяйка шьёт.

ОБЛОМОВ. Что это так проворно ходит игла мимо вашего носа, Агафья Матвеевна? Вы так живо снизу поддеваете, что я, право, боюсь, как бы вы не пришили носа к юбке.

АГАФЬЯ МАТВЕЕВНА. Вот только покончу эту строчку - ужинать станем, Илья Ильич.

ОБЛОМОВ. А что к ужину?

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА. Капуста кислая с лососиной. Потом телятина, каша на сковороде.

ОБЛОМОВ. Вот это прекрасно! Как вы милы, что вспомнили про мою просьбу о телятине. А зачем вам сейчас ещё новое занятие. Вечно вы заняты.

АГАФЬЯ МАТВЕЕВНА. Корицу надо толочь!

ОБЛОМОВ. А если я вам помешаю?

АГАФЬЯ МАТВЕЕВНА. Пустите! Ещё надо насчёт сахару распорядиться да вина отпустить на пудинг.

ОБЛОМОВ. Скажите, что, если б вы полюбили бы меня, а я...

АГАФЬЯ МАТВЕЕВНА. Отчего ж не полюбить? Бог всех велел любить.

ОБЛОМОВ. А если я поцелую вас?

АГАФЬЯ МАТВЕЕВНА. Теперь не святая неделя, бог даст доживём до пасхи, так поцелуемся.

Обломов целует хозяйку.

АГАФЬЯ МАТВЕЕВНА. Смотрите, просыплю корицу, вам же нечего будет в пирожное положить. Что это у вас на халате опять пятно? Кажется масло? Где это вы?

ОБЛОМОВ. Не знаю, где это я приобрёл.

АГАФЬЯ МАТВЕЕВНА. Скиньте да дайте скорее, я выведу и замою: завтра ничего не будет.

ОБЛОМОВ. Добрая вы моя, Знаете что, поедemте-ка в деревню жить: там-то хозяйство, будет где вам развернуться!

Входит Захар.

АГАФЬЯ МАТВЕЕВНА. Чего тебе, любезный?

ЗАХАР. Там это... Андрей Иванович нас разыскали и сюда напрямиком идут.

ОБЛОМОВ. Дома нет, скажи - дома нет!

ЗАХАР. Как сказать-то? Это же Андрей Иванович!

ОБЛОМОВ. Где его портрет! Немедля на стенку портрет Андрея повесь!

Захар вытаскивает запylённый портрет Штольца, пытается приладить его на стену, падает вместе с ним. Входит Штольц. Обломов бежит в соседнюю комнату. Хозяйка следует за ним.

ШТОЛЬЦ. Вот так берлога! С трудом, с превеликим трудом обнаружил я вас, Обломовцы! Но от меня и в Африке не спрячешься. Здорово, Захар! А ну вытаскивай моего друга на свет божий! Где этот мой друг? Где этот Илья, который друзей не помнит?

ЗАХАР. Здравствуйте, батюшка, Андрей Иванович! Ждали мы вас, молились за ваше здоровье!

ШТОЛЬЦ. За меня что молиться, я брат, как бык здоров! Вы себя, себя в руках держать должны были. И что же?

ЗАХАР. Вот-с живём на краю света... Вашу музыку заводим.

ШТОЛЬЦ. Ну и что же? С пользой?

ЗАХАР. Музыка бравая.

Из комнаты появляется Обломов, он явно смущён.

ОБЛОМОВ. Андрей! Ты ли это? Как я рад видеть тебя!

ШТОЛЬЦ. А, выкатился из кустов! Ну, покажись, покажись мне весь!

Обнимаются.

ОБЛОМОВ. Откуда ты? Надолго ли?

ШТОЛЬЦ. Как смеешь ты меня спрашивать о таком? Ведь ты от меня который раз прячешься. Я вот тебя отхлещу вицей сейчас, да и опять в дела с головой.

ОБЛОМОВ. Ну, вот ты всё с шуткой! Разве я тебе писем не посылал?

ШТОЛЬЦ. Писал, да только из них понять ничего нельзя. А без шуток, так я тут на две недели по делам, а потом в Киев. Да что я. Что с тобой приключилось опять? Я, кажется, помешал вам что ли?

ОБЛОМОВ. Нет! Ну что ты? Как можешь говорить мне такое? Не стыдно тебе! Ведь я без тебя скучал. Спроси Захара.

ЗАХАР. То - всё правда. Ваш портрет и пластинку вашу всё дорогу с собой и всё слушаем, слушаем.

ШТОЛЬЦ. Ой, ли?

ОБЛОМОВ. Кстати, хотел познакомить тебя с моей новой хозяйкой, Агафьей Матвеевной. Я у неё уже полгода квартирую. Ты ведь, Андрей, непременно отобедаешь с нами?

ПАУЗА

ОБЛОМОВ. Что ж ты молчишь?

ШТОЛЬЦ. Ну, Илья... Ну, Илья... Подвёл ты меня! Ох, как огорчил! На целый год исчез и что же? Молчишь? Сказать тебе нечего. Стало быть "никогда"?

ОБЛОМОВ. Что "никогда"?

ПАУЗА

ШТОЛЬЦ. Не играй со мной!

ОБЛОМОВ. Я не такой теперь... что был раньше, Андрей.

ШТОЛЬЦ. Отчего не приехал за границу?

ОБЛОМОВ. Сначала дела, потом другие дела, переезд, потом...

ШТОЛЬЦ. Знаю, что потом. Ольга помешала?

ОБЛОМОВ. Как? Уже ли и ты слышал? Где она теперь?

ШТОЛЬЦ. Была за границей. Вскоре после того, как узнала свою ошибку.

ОБЛОМОВ. Разве ты и это знаешь?

ШТОЛЬЦ. Всё. Я знаю, Илья, всё. Даже про ветки сирени, про парк... И тебе не стыдно? Не жжёт тебя раскаяние?

ОБЛОМОВ. Не мучь меня, не поминай. Вышло всё так нелепо.

ШТОЛЬЦ. Сначала я тебя ругал, чёрт знает как поносил. Наверное, тебе здесь икалось. Но виноват в этой истории больше всех я. Ведь я вас познакомил и оставил наедине и должен был проследить, но... И, опять же, мои бесконечные дела их надо делать каждый день. А ты зачем забился в эту глушь?

ОБЛОМОВ. Покойно здесь, тихо, никто не мешает. У тебя крылья есть, ты живёшь, ты летаешь, у тебя есть дарования, самолюбие, ты как-то иначе устроен.

ШТОЛЬЦ. Э, полно тебе! Человек создан сам устраивать себя. Ты знаешь меня, я давно задал себе эту задачу и не отступлюсь. До сих пор меня занимали разные дела, а теперь я свободен. Я приехал за тобой.

ОБЛОМОВ. Андрей! Не делай напрасных попыток, не уговаривай меня, я останусь здесь.

ШТОЛЬЦ. Ты погиб, Илья. Этот дом, эта женщина, весь этот быт... Не может быть: едем, едем!

Штольц тащит Обломова за рукав, тот упирается.

ШТОЛЬЦ. Вон из этой ямы, на простор, к деловым людям. Опомнись, разве ты себя к этому готовил?

ОБЛОМОВ. С тем миром, куда ты меня тащишь, я расстался навсегда! Навсегда! Я стою твоей дружбы, но не стою твоих хлопот.

ШТОЛЬЦ. Очень жаль. Очень. Не ожидал. Что всё зашло так далеко.

ПАУЗА

ШТОЛЬЦ. Знаешь, кто здесь у ворот в карете ждёт меня?

ОБЛОМОВ. Ольга?

ШТОЛЬЦ. Я позову её сюда.

ОБЛОМОВ. Ради бога не допускай её сюда, уезжай! Прощай, прощай, ради бога! Но почему она здесь?

ШТОЛЬЦ. Да ты успокойся. Ведь это она настояла тебя разыскать. Она живёт –поживает, можно сказать - цветёт. Приехала из-за границы, теперь в своей деревне хозяйничает.

ОБЛОМОВ. С тёткой?

ШТОЛЬЦ. С мужем.

ОБЛОМОВ. Она замужем?

ШТОЛЬЦ. Что ж ты испугался? Не воспоминания ли?

ОБЛОМОВ. Кто ж этот счастливец? Я и не спрошу

ШТОЛЬЦ. Опять испугался! Чего же?

ОБЛОМОВ. Не шути, Андрей, скажи правду.

ШТОЛЬЦ. Илья, ведь я твой друг и по-дружески ничего не собираюсь скрывать. У нас к тебе с Ольгой серьёзный разговор.

ОБЛОМОВ. Не надо, нет! Я не желаю! Я должен переодеться, по крайней мере!

ШТОЛЬЦ. Илья! Ну что ты как маленький, право? Того и гляди я подумаю, что ты нам не рад? Я сейчас вернусь.

Обломов мечется по комнате и, наконец, прячется в шкаф.

ДВАДЦАТАЯ КАРТИНА

«БЛАГОСЛОВЕНИЕ»

Входят Штольц с Ольгой, у Андрея Ивановича в руках несколько бутылок шампанского.

ШТОЛЬЦ. Смелей, смелей залезай в эту нору.

ОЛЬГА. Где он?

ШТОЛЬЦ. Побежал пудрить нос. Похоже, его чувства к тебе не остыли.

ОЛЬГА (*Тихо*). Ну что, как он? Ты сказал ему о главном?

ШТОЛЬЦ. Он в совершенно безобразном состоянии, в халате, опустил, распух...

ОЛЬГА. Что это за ужас кругом! Ты посмотри, как он живёт. Это кошмар! Надо было весной разыскать его и принять меры.

ШТОЛЬЦ. Но мы же не могли. Мы же были в Париже.

ОЛЬГА. Но меня мучает совесть, надо было что-то делать.

ШТОЛЬЦ. А разве я не делал? Мало ли я его уговаривал, хлопотал за не него, устроил его дела - а он хоть бы откликнулся на это! При свидании готов на всё, а чуть с глаз долой - прощай: опять заснул. Возишься, как с пьяницей.

ОЛЬГА. С ним надо действовать решительно. Сейчас взять его с собой в карету и увезти. Поселим его рядом с собой в своём имении. Будем за ним приглядывать.

ШТОЛЬЦ. Вот далась нам с тобой забота! И конца ей нет!

ОЛЬГА. Ты тяготишься ею?

ШТОЛЬЦ. Всё бесполезно! Мне кажется, что ему вот так и хорошо.

ОЛЬГА. Человеку этакая жизнь не может нравиться. И ты это прекрасно знаешь. Если ты устал, то я одна могу поговорить сейчас с ним. Он тронется моими просьбами. Может быть, мои слёзы воскресят его. Он будет не в грязи, а вблизи равных себе, с нами. Я только появилась тогда, помнишь, и он сразу воскрес...

ШТОЛЬЦ. Такие странные у тебя глаза сегодня, да и не только сегодня... Что с тобой, Ольга?

ОЛЬГА. Знаешь, я что-то проголодалась!

ШТОЛЬЦ. Не лги мне! Ты ведь знаешь, я этого не люблю. Можно подумать, что ты несчастлива.

ОЛЬГА. Да, несчастлива тем разве... что уж слишком счастлива! С тобой, мой дорогой учитель!

ШТОЛЬЦ. Вот это правильный ответ! Мне нравится.

ОЛЬГА. Может быть, моя грусть от того, что я слишком мечтательна. Я ропшу на жизнь, а ведь она удалась!

ШТОЛЬЦ. Смотри, чтоб судьба не подслушала твоего ропота.

ОЛЬГА. Всё прекрасно! Я бесконечно счастлива! Бесконечно!

ШТОЛЬЦ. Уж не любишь ли ты Илью по-прежнему?

ОЛЬГА. Я люблю его не по-прежнему, но кое-чему я осталась верна...

ШТОЛЬЦ. Скажи своему мужу, уязви, ужаль, чтоб моя ревность разыгралась. А хочешь, я скажу тебе, за что он до сих пор тебе дорог?

ОЛЬГА. За что же?

ШТОЛЬЦ. За честное, верное сердце...

ОЛЬГА. Может быть...

ШТОЛЬЦ. И за "голубиную нежность".

Ольга и Штольц хохочут. Шкаф начинает шевелиться и вдруг с грохотом падает на пол.

ОЛЬГА. О, боже! Что это?

Из шкафа доносится стон.

ШТОЛЬЦ. Это Обломов!

На шум выбегает Захар, Анисья и Агафья Матвеевна. Они поднимают шкаф.

ШТОЛЬЦ. Илья! Какого чёрта? Что ты молчишь? Ты очень странно себя ведёшь, мой друг.

ОЛЬГА. Илья! Это я... Это мы... И вот мы здесь для того, чтобы...

ОБЛОМОВ. Я знаю, я всё знаю.

ШТОЛЬЦ. И подслушивать, кстати, нехорошо.

ОЛЬГА. Он слышал, он всё слышал...

ОБЛОМОВ. Милый Андрей! Милая Ольга... Сергеевна!

ОБЛОМОВ. Я хотел... Я хотел сказать...

ШТОЛЬЦ. Да, Илья! Да! Мы – муж и жена!

ОБЛОМОВ. Конечно, так и должно быть... Вас благословил сам Бог! Как я счастлив!

ОЛЬГА. Правда?

ОБЛОМОВ. Как я счастлив!

ШТОЛЬЦ. (*Торжествуя, Ольге*) Вот! Я говорил тебе! Я говорил, что другого Обломова не знаю! Дай, я обниму тебя, мой благородный друг. Шампанского! Всем шампанского! Нам очень хотелось получить твоё одобрение, друг!

Пробки от шампанского с шумом летят в потолок. Штольц и Захар разливают шампанское по бокалам. Обломов вдруг начинает валиться на бок, падает и дёргается в конвульсиях.

ШТОЛЬЦ. Что с тобой, Илья! Что с тобой?

ОБЛОМОВ. Скажи ей... Скажи ей...

ОЛЬГА. Ему плохо! У него нервный обморок.

ОБЛОМОВ. Скажи ей...

ШТОЛЬЦ. Молчи, теперь тебе нельзя говорить!

ОЛЬГА. Воды! Доктора! Зовите доктора!

Общая суматоха. Штольц и Захар несут Обломова на диван. Вбегает доктор.

АНИСЬЯ. Батюшка, не дайте осиротеть!

ДОКТОР. А я ведь как чувствовал! Хотел с утра заглянуть да дела не пускали.

ЗАХАР. Век на вас молиться будем, спасайте!

ОЛЬГА. Доктор, немедленно примите меры! Немедленно! Ему плохо!

Доктор осматривает Обломова, делает над ним какие-то пассы руками. Встаёт.

ШТОЛЬЦ. Здравствуйте, господин Ключе!

ДОКТОР. Здравствуйте, господин Штольц!

ШТОЛЬЦ. Каков ваш диагноз?

Доктор шепчет что-то на ухо Штольцу.

ШТОЛЬЦ. Боже мой! Вот так скоро... Но на то были свои причины!

ОЛЬГА. Андрей, мы его не оставим!

ШТОЛЬЦ. Разумеется, дорогая.

ДОКТОР. М-да...

ОЛЬГА. Это удар? Говорите прямо.

ДОКТОР. Представьте себе, господа: был абсолютно здоровый русский барин! Абсолютно! И вот – на тебе!

ЭПИЛОГ

«Никогда»

На парковой поляне Ольга и Штольц увлечённо играют в бадминтон. По дорожке идёт Агафья Матвеевна, толкая перед собой инвалидную коляску, в которой сидит, разбитый параличом Обломов. Захар с огромным зонтом следует сзади. Обломов смотрит в сторону, Штольца и Ольги.

АГАФЬЯ МАТВЕЕВНА. Остановимся, Захар, он хочет посмотреть? Вишь, как голову-то задрал. Ну, смотри, батюшка, смотри, как люди себя истязают. Что ты сказал, дорогой? Я не понимаю. Захар! Илья Ильич что-то говорит, я не пойму. Иди, разбери.

Захар подходит, наклоняется к барину, пытается считать с его губ слова.

АГАФЬЯ МАТВЕЕВНА. Ещё полчаса погуляем и в клозет пойдём. Потом сядем за ужин и спатеньки в мягкие наши перины, в сладкие наши подушки.

ЗАХАР. Илья Ильич изволят говорить, мол, «никогда».

АГАФЬЯ МАТВЕЕВНА. Что «никогда»? Что это ещё за "никогда"? Доктор велел в клозет через каждые два часа. Ещё выдумал себе "никогда". Нет, батюшка, уж мы тебя попросим, а то и силой заставим. И не подумай ничего: всё это для твоего же блага! Придумал тоже: "никогда".

Продолжая ворчать, Агафья Матвеевна катит коляску дальше. Обломов, насколько позволяет ему его положение, всё глядит и глядит на Штольца и Ольгу, пока совсем не исчезнет за кустами сирени.

ЗАНАВЕС

+7-921-726-60-42